

Хижина дяди Тома
Гарриет Бичер-Стоу

Роман известной американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома» появился отдельным изданием в 1852 году, когда борьба против рабства стала уже настоящей необходимостью и, по словам президента Линкольна, была одной из причин «большой войны» – вооруженного столкновения между Севером и Югом за освобождение негритянского населения.

Гарриет Бичер-Стоу

Хижина дяди Тома

Глава I,

в которой читатель знакомится с «гуманным» человеком

Суровый февральский день склонялся к вечеру. В маленьком городке П., в штате Кентукки, два джентльмена сидели в уютной столовой за бокалом вина. Они были одни. Сдвинув поближе стулья, джентльмены углубились в серьезный деловой разговор.

Мы из вежливости сказали «два джентльмена», но, строго говоря, это определение вовсе не подходило к одному из собеседников. Это был невысокий коренастый человек с грубыми, маловыразительными чертами лица. Он держал себя с наглостью и напыщенностью, свойственными людям, которые, не стесняясь в средствах, пробивают себе путь к успеху. Одет он был с большой претензией – его пестрый жилет и синий в желтую крапинку галстук, завязанный огромным замысловатым узлом, вполне подходили к его крикливо-франтоватому виду. Грубые пальцы его рук были унизаны множеством колец, и на тяжелой золотой цепочке от часов болтались самые разнообразные брелоки, которыми он самодовольно позвякивал в пылу разговора. Речь его отнюдь не соответствовала правилам грамматики, и сдабривал он ее время от времени такими красочными проклятиями, которые я, при всем моем стремлении к наибольшей правдивости, не могу здесь привести.

Его собеседник, мистер Шельби, производил впечатление человека образованного. Вся окружавшая обстановка свидетельствовала об обеспеченности и даже значительном материальном благополучии. Оба собеседника были поглощены разговором.

– Вот именно так я и желал бы уладить это дело, – произнес мистер Шельби.

– На такие условия я не могу согласиться, никак не могу, мистер Шельби! – ответил его собеседник, приподняв бокал и рассматривая на свет налитое в него вино.

– Но примите во внимание, Хеллей: Том в самом деле замечательный парень и, безусловно, стоит этой суммы. Он спокоен, честен, умен, так что всю работу на плантации он наладил, как часовой механизм.

- Вы имеете в виду: честен, как может быть честен негр, - заметил Хеллей, наливая себе рюмку бренди.

- Нет, я имею в виду настоящую честность. Том - хороший, работающий, разумный и благочестивый человек. Я доверил ему все мое имущество - деньги, дом, лошадей, разрешил ему свободно передвигаться по окрестностям. Он вполне оправдал мое доверие.

- Немало людей, Шельби, считают, что верующих негров не бывает, - с ударением произнес Хеллей. - Но я готов допустить, что ваш Том верующий. В последней партии, которую я пригнал в Орлеан, был один - стоило послушать, как эта скотина молилась! Лучше всякой проповеди! И притом - кроткий, покладистый. Ну и заработал я на нем порядочно деньжонок! Я приобрел его на аукционе - продавалось имущество несостоятельного должника, и достался он мне чуть не даром. Я получил на нем шестьсот долларов чистой прибыли! О да! Благочестие у негра - вещь ценная, разумеется, если товар неподдельный.

- Что касается Тома, его благочестие и преданность - товар, во всяком случае, неподдельный, - промолвил мистер Шельби. - Не далее как прошлой осенью я послал его одного по моим делам в Цинциннати[1 - Цинциннати - город в штате Огайо, откуда невольник легче всего мог бежать в Канаду.]. Он должен был привезти мне пятьсот долларов. «Том, - сказал я ему, - я доверяю тебе, зная, что ты человек честный и порядочный. Ты меня не обманешь». И Том действительно вернулся. Я знал, что так будет. По имеющимся у меня сведениям, какие-то негодяи спрашивали его, почему он не удрал в Канаду. «Мой господин доверял мне, - ответил Том, - поэтому я не мог так поступить». Вся эта история стала мне известна. Должен признаться, что мне очень тяжело расстаться с Томом. Вам следовало бы, Хеллей, принять его в покрытие всего долга; вы так и поступили бы, будь у вас совесть.

- Ого! Совесть у меня ровно столько, сколько нужно деловому человеку. Ровно столько, чтобы при случае поклясться ей, - продолжал в шутливом тоне торговец. - Кроме того, я готов сделать все в пределах разумного, лишь бы услужить моим друзьям. Но то, что вы предлагаете, - это уж через край! Этого я не могу. - При этом Хеллей, вздохнув, снова наполнил до краев свой бокал.

- Так как же, Хеллей? Какие условия вы ставите?

- Неужели у вас не найдется мальчишки или девчонки, которых вы могли бы продать вместе с Томом?

- Хм, право, не знаю... Говоря по совести, меня только тяжелая необходимость заставила прибегнуть к продаже. Мне не хотелось бы расставаться ни с кем из моих людей.

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вбежал мальчик-квартиронец[2 - Квартиронец - человек, у которого одна четверть крови негритянская (от лат. «кварта» - четверть).] лет четырех или пяти. Ребенок был на редкость красив и привлекателен. Черные шелковистые кудри обрамляли круглое личико с ямочками на щеках, а большие темные глаза, одновременно мягкие и огненные, из-под густых, длинных ресниц с любопытством оглядывали присутствующих. Аккуратно сшитое платьице из красной с желтыми

квадратиками материи хорошо сидело на его маленькой фигурке и очень шло ему. Забавная застенчивость, смешанная с известной уверенностью, показывала, что он привык встречать ласку и внимание со стороны своего господина.

- Хэлло, Гарри-галчонок! - крикнул мистер Шельби и, свистнув, бросил ему гроздь темного винограда. - На, подбери!

Ребенок кинулся со всех ног за подачкой.

- Подойди-ка сюда, Гарри-галчонок! - смеясь, позвал его Шельби.

Мальчик подошел, и Шельби, погладив его по кудрявой головке, взял его за подбородок.

- Ну вот, а теперь покажи нашему гостю, как ты умеешь петь и танцевать.

Мальчуган сразу же своим чистым, звучным голосом затянул одну из полудиких, забавных песенок, которую часто поют негры, сопровождая пение целым рядом комических движений рук, ног и всего тела. Видно было, что он всем существом ощущает ритм.

- Bravo! - воскликнул Хеллей, бросая ему четвертушку апельсина.

- А теперь, Гарри, покажи, как ходит старый дядя Кудж, когда его мучает ревматизм! - крикнул мистер Шельби.

Гибкие члены мальчика сразу же словно скрючились и стали неподвижны. Сгорбившись и опираясь на палку своего господина, он заковылял по комнате, сплевывая по сторонам.

Сидевшие за столом хохотали во все горло.

- А теперь, Гарри, покажи-ка, как Роббинс, председатель церковного совета, запекает псалом.

Ребенок по мере сил вытянул свое пухленькое личико и с непоколебимой торжественностью гнусаво затянул какую-то церковную мелодию.

- Ура! Bravo! - завопил Хеллей. - Вот молодец! Из него выйдет толк! Я вам кое-что скажу, - добавил он неожиданно шепотом, хлопнув Шельби по плечу. - Прикиньте этого мальчугана, и дело в шляпе. Давайте по рукам, и все будет в порядке...

Дверь тихо раскрылась, и вошла молодая квартеронка лет двадцати пяти.

Достаточно было перевести взгляд с ребенка на эту женщину, и сразу можно было угадать, что это его мать. У нее были такие же темные блестящие глаза, такие же шелковистые черные вьющиеся волосы. На смуглых щеках ее проступил заметный румянец, еще более стусившийся, когда она поймала на себе беззастенчивый, полный восхищения взгляд незнакомого человека, сидевшего за хозяйским столом. Платье плотно облегалo ее стан, обрисовывая прекрасные линии ее тела. Красивые руки, изящная форма ног - ничто не ускользнуло от внимательного взора торговца, умевшего сразу определить ценность добротного женского товара.

- Что тебе, Элиза? - спросил мистер Шельби, заметив, что она в нерешительности глядит на него.

- Простите, мастер[3 - Мастер - хозяин раба.], я пришла за Гарри.

Мальш подбежал к ней, хвастая добычей, которую он завернул в подол своего платица.

– Хорошо, уведи его, – сказал Шельби, и она, поспешно подхватив на руки ребенка, вышла из комнаты.

– Клянусь Юпитером! – воскликнул торговец, с восхищением оборачиваясь к хозяину дома. – Вот это товарец! На этой девушке вы можете в любое время, если захотите, заработать в Орлеане состояние. Мне случалось видеть, как платили по тысяче долларов за девчонок, которые были ничуть не лучше этой.

– Я не намереваюсь наживать на ней состояние, – сухо возразил Шельби. Желая переменить тему разговора, он откупорил новую бутылку вина. – Отведайте, – произнес он, обращаясь к Хеллею, – и скажите, какого вы мнения об этом напитке.

– Великолечно, сэр! Первый сорт! – объявил торговец, затем, фамильярно похлопав мистера Шельби по плечу, он продолжал: – Ну так как же? Согласны вы заключить сделку насчет девушки? Что вам предложить? Сколько вы за нее хотите?

– Мистер Хеллей! Я не могу продать ее. Жена моя не согласится отдать ее ни за какие деньги.

– Чепуха! Женщины болтают всякий вздор потому, что не умеют считать. Разъясните им только, сколько часиков, шляп, драгоценностей они смогут купить за эти деньги, и они начнут по-новому смотреть на дело.

– Я уже сказал вам, Хеллей, что об этом и речи быть не может. И уж если я сказал: нет, – значит, нет! – решительно заявил Шельби.

– Но мальчишку вы мне все же добавите, Шельби. Вы должны отдать мне справедливость: я предложил за него хорошую цену.

– На что вам, черт возьми, дался этот ребенок?

– Штука в том, что у меня есть приятель. Он скупает красивых мальчиков и выращивает их для рынка. Это предмет на любителя: красивые слуги для богачей, которые могут выложить достаточную сумму. По-настоящему красивый мальчик, открывающий дверь и подающий к столу, – украшение для хорошо поставленного дома. На этих ребятах можно хорошо заработать. А ваш маленький чертенок такой забавный да еще музыкальный зверек, что вполне подойдет для такой цели.

– Мне очень не хотелось бы продавать его, – проговорил в задумчивости Шельби. – Я человек гуманный, и мне неприятно отнимать ребенка от матери.

– В самом деле?.. Да это и вполне естественно, я вас понимаю. Нелегко подчас бывает управиться с этим женским полом. Их визг и рев мне тоже невтерпех. Да и работе мешает. Поэтому я свои дела обычно устраиваю так, что мне всего этого слышать не приходится. А что, если б вы эту женщину на денек-другой куда-нибудь услали? Все было бы кончено раньше, чем она вернется домой. Ваша жена могла бы купить ей пару сережек, платье или другую ерунду, чтобы ее успокоить.

– Боюсь, что это не уладит дела.

– Да, разумеется, уладит! Эти существа ведь не похожи на белых: они все переживут, лишь бы умно взяться за дело. Говорят, – произнес Хеллей, придавая своему лицу чистосердечное и благодушное выражение, – говорят,

будто бы моя деятельность убивает всякую чувствительность. Но я с этим не согласен. Я никогда не действовал теми способами, к которым прибегают другие. Мне приходилось встречать торговцев, которые вырывали ребенка из рук матери и выставляли его тут же на продажу, тогда как женщина здесь же рядом вопит как зарезанная. Крайне неразумно! Портит товар, может привести его в полную негодность. Я помню случай, когда красивую женщину таким способом совершенно загубили. Покупатель, который приобрел ее, ни за что не хотел брать ребенка, а она, когда в ней закипала кровь, становилась упряма, как животное. Представьте себе только: она изо всех сил прижала к себе детеныша, болтала всякий вздор и вообще вела себя черт знает как. Меня в дрожь бросает при одном воспоминании. Когда у нее вырвали ребенка, она совсем осатанела, а неделю спустя умерла. Чистый убыток в тысячу долларов, и все из-за недостатка осторожности – больше ничего. Гораздо разумнее, как подсказывает мне опыт, действовать по возможности гуманно.

Торговец откинулся на спинку стула. Лицо его выражало уверенность в собственной добродетели.

Шельби задумчиво чистил апельсин, а Хеллей все никак не мог расстаться с увлекшей его темой:

– Самого себя хвалить обычно не полагается. Я говорю об этом только потому, что это сушая правда. За мной укоренилась слава, что я обычно пригоняю на рынок самые лучшие гурты негров. По крайней мере, так мне многие говорили в лицо. Я проделывал это не раз и не два, а сотни раз, и всегда все в отличном состоянии: толстые, упитанные. Кроме того, ни у одного другого торговца нет такой малой убыли. Все это я отношу за счет моего способа обращения, основой которого является человеколюбие.

Шельби не нашелся, что ответить, и поэтому только неопределенно протянул:

– В самом деле?

– Случалось, меня за мои принципы высмеивали и пытались убедить, что я не прав. Но я крепко стоял на своем и заработал на этом немало денег. Клянусь богом, мои принципы окупились!

Торговец захохотал, полагая, что удачно сострил.

Это представление о гуманности было так противоестественно и нелепо, что Шельби не мог удержаться и расхохотался вместе с ним. Быть может, смеешься и ты, читатель, но ведь тебе известно, что гуманность у нас в Америке проявляется в самой неожиданной форме и «гуманные» люди подчас говорят и делают совсем неожиданные вещи.

Смех Шельби подбодрил торговца, и он продолжал:

– Просто удивительно, что мне никак не удавалось вбить это в головы тем, с кем приходилось иметь дело. Вот знали бы вы моего компаньона Тома Локера там, на Юге, в Нахчеце. Том Локер был умный парень, но по отношению к неграм – настоящий черт. И знаете – из чистого принципа. Это была его система, и все тут. Случалось, я делал попытку урезонить его. «Том, – говорил я ему, – что пользы бить твоих девок по голове и толкать их, когда они кричат и режут? Это просто смешно да к тому же бесполезно. Что до меня, то я никакого преступления в том, что они режут, не вижу. Это вполне естественно, – говорю я ему, – и если природе не дать волю в одном, она себя проявит в другом. В общем, Том, – объясняю я ему, – ты портишь таким образом своих женщин. Они становятся болезненными, вешают нос, даже дурнеют, особенно желтые девушки, и приходится затрачивать чертовски много труда, пока они привыкают к обстановке. Почему бы тебе

лучше не сказать им пару добрых слов, польстить им? Поверь мне, Том, иногда немного гуманности принесет больше пользы, чем твоя брань, да и доходу даст больше, говорю я тебе». Но Том никак не мог с этим согласиться и столько экземпляров мне перепортил, что пришлось с ним расстаться, хоть он и был добродушнейший парень и дельный коммерсант.

– Значит, вы считаете вашу систему в делах более продуктивной, чем система Тома? – спросил Шельби.

– Разумеется. Я убежден в этом. Видите ли, я всегда при неприятных обстоятельствах (а ведь в нашей отрасли приходится сталкиваться со всякими историями, например при продаже малышей) принимаю меры предосторожности: отсылаю женщин куда-нибудь подальше с глаз долой, понимаете? А потом, когда все уже свершилось и ничего изменить нельзя, они понемногу привыкают. Ведь все это не так, вы сами понимаете, как у белых, которые вырастают в надежде сохранить при себе жен и детей. Негры, знаете ли, если получают надлежащее воспитание, вообще ничего не ждут от жизни, так что такие штуки переживают гораздо легче.

– В таком случае, – произнес Шельби, – я очень опасаюсь, что мои негры воспитаны не так, как следует.

– Я тоже так думаю. Вы здесь, в Кентукки, балуете ваших людей. Вы руководитесь добрыми намерениями, но неграм вы вовсе не оказываете этим услугу. Негру, видите ли, предстоит мыкаться по свету. Его могут продать Дику, или Джиму, или еще бог весть кому, поэтому ему только вред приносят, приучая его к каким-то правам. Тем труднее ему потом переносить предстоящие невзгоды. Я убежден, что ваши негры, попав в такое место, где остальные негры вопят от восторга, будут чувствовать себя бог весть какими несчастными. Каждый, разумеется, считает свой способ наилучшим. По-моему, я обращаюсь с моим черным товаром отлично.. Особенно если товар того стоит.

– Счастлив тот, кто собой доволен, – сказал Шельби, пожимая плечами и явно испытывая какое-то неприятное чувство.

– Так как же, – спросил Хеллей, после того как они некоторое время сидели молча, углубившись в свои мысли, – что вы скажете на мое предложение?

– Я еще подумаю, – ответил Шельби, – и посоветуюсь с женой. Но вам, Хеллей, я настоятельно рекомендую пока держать в строжайшей тайне цель вашего приезда в эти места. Иначе вряд ли удастся осуществить все это в той спокойной форме, о которой вы только что говорили. Пойдут разговоры среди моих негров, и как только об этом узнает жена Тома, поднимется шум и плач, можете мне поверить.

– Конечно, конечно! Лучше держать язык за зубами. Но должен вас предупредить: я чертовски спешу и хотел бы твердо знать, как обстоят дела, – сказал Хеллей, поднявшись и накидывая плащ.

– Зайдите сегодня между шестью и семью часами, и вы получите ответ, – произнес Шельби.

Хеллей поклонился и вышел из комнаты.

– Ах, если б я только мог спустить с лестницы этого мерзавца со всей его наглой самоуверенностью! – прошептал Шельби, когда дверь захлопнулась за посетителем. – Но я хорошо знаю, какие у него преимущества. Если б мне кто-нибудь в прежние годы сказал, что я когда-нибудь продам Тома какому-то бесчестному торговцу невольниками, который переправит его на Юг, я, наверно, ответил бы: «Разве мой негр – собака, чтобы я продал его?» А

теперь я вижу, что это стало неизбежным. Да еще мальчика Элизы! Какой шум подымет жена уже из-за одного Тома... А все долги... – Он вздохнул. – Этот негодяй прекрасно понимает, что держит меня в руках, и хочет использовать положение...

В штате Кентукки положение невольников по сравнению с положением рабов на Юге относительно сносное. Сельские работы протекают в спокойной последовательности, там неизвестны периоды горячечной спешки и напряжения, которые в южных районах повторяются через определенные промежутки времени. Поэтому работа негров в Кентукки здоровее и менее утомительна.

Человек, случайно посетивший какую-нибудь из плантаций в тех краях, подчас бывает готов охотно поверить распространяемым легендам о якобы «патриархальном» быте и добропорядочных взаимоотношениях между господами и их рабами. Но – увы! – и там на эти отношения падает мрачная тень – тень закона, который рассматривает рабов – эти человеческие существа с бьющимся пульсом и живыми чувствами – как бездушные предметы.

Шельби по сравнению с другими рабовладельцами мог считаться человеком более передовых взглядов. Он старался не допускать, чтобы негры в его поместьях терпели недостаток в чем-либо, что требовалось для поддержания их сил. Но в связи с мало продуманными деловыми операциями он запутался в долгах, и его векселя на крупную сумму попали в руки Хеллея.

Это краткое сообщение должно послужить ключом к объяснению предшествующей сцены.

Элиза, приближаясь к дверям, уловила обрывки разговора, происходившего в комнате. Она поняла, что работорговец предлагал хозяину продать одного из его негров.

Когда она затем, взяв ребенка, вышла из комнаты, ей захотелось остановиться за дверью и дослушать разговор до конца. Но в эту минуту ее позвала госпожа.

Она не могла отделаться от мысли, что торговец предлагал продать ему ее мальчика. Ошибалась ли она? Сердце ее затрепетало, и она с такой силой прижала к себе ребенка, что малыш с удивлением поглядел ей в лицо.

– Что с тобой случилось? – спросила миссис Шельби, когда Элиза, уронив на пол кувшин с водой, затем по рассеянности достала из платяного шкафа и подала своей госпоже длинный халат вместо требуемого шелкового платья.

Элиза вздрогнула.

– О миссис! – прошептала она. Глаза ее наполнились слезами, и она, вдруг опустившись на стул, горько разрыдалась.

– Да скажи же, что с тобой приключилось, Элиза?

– О миссис, миссис! – воскликнула Элиза. – Внизу, в столовой, сидит торговец. Он о чем-то разговаривает с хозяином... Я слышала...

– Так что ж в этом страшного, глупенькая ты?

– О миссис, неужели это возможно, чтобы наш господин решил продать моего Гарри? – Несчастливая женщина, откинувшись на спинку стула, зарыдала еще громче.

- Продать Гарри? Глупая ты! Да разве ты не знаешь, что господин никогда не заключает сделок с торговцами с Юга и никогда не продает никого из своих рабов? Неразумное дитя! Да кто же захочет купить твоего Гарри? Не воображаешь ли ты, что все на свете так восхищены им, как ты? Перестань плакать и подойди лучше сюда. Застегни мне платье, заплети косы и уложи их в такую прическу, которую тебя недавно научили делать. А главное – не подслушивай больше у дверей.

- Но, миссис... вы не дали бы своего согласия... если бы все-таки?..

- Какие глупости, девочка! Разумеется, нет. Как ты можешь говорить такие вещи? Это так же невозможно для меня, как продать кого-нибудь из моих собственных детей. Но право же, Элиза, ты чересчур уж гордишься своим мальчуганом. Стоит только кому-нибудь сунуть нос в дверь – и ты уже убеждена, что пришли покупать твоего сына.

Успокоенная тоном своей госпожи, Элиза ловко и быстро помогла ей одеться и сама уже готова была смеяться над своими страхами.

Миссис Шельби была женщина благородная и честная. Доброта и великодушие подкреплялись у нее глубокой принципиальностью и твердостью убеждений.

Муж ее глубоко ценил эту непоколебимость и твердость ее взглядов. Необходимость сообщить жене о своих переговорах с Хеллеем и о том решении, к которому он вынужден был прийти, до чрезвычайности угнетала его. Он был уверен, что натолкнется на самое страстное сопротивление с ее стороны.

Миссис Шельби, находившаяся в полнейшем неведении относительно денежных затруднений своего мужа, зная к тому же его доброту и мягкосердечие, была вполне искренна, когда старалась рассеять опасения Элизы. Не испытывая поэтому никакого беспокойства и собираясь отправиться в гости, она совсем забыла о своем разговоре со служанкой.

Глава II

Мать

Элиза выросла и воспитывалась в доме своей госпожи. Ее баловали, как общую любимицу.

Тем, кому приходилось путешествовать по южным районам, должны были броситься в глаза своеобразное изящество, мягкий голос и миловидность, которыми так часто отличаются мулатки[4 – Мулаты – потомство от браков европейцев с неграми.] и квартеронки. У квартеронки этой особой, свойственной им привлекательности нередко сопутствует и ослепительная красота.

Защищенная от всех невзгод заботливостью своей госпожи, Элиза расцвела, превратившись в красавицу-девушку, не подвергаясь при этом тем соблазнам, которые подчас превращают для рабыни ее красоту в роковой источник гибели. Она вышла замуж за умного, развитого и талантливого молодого мулата по имени Джордж Гаррис, принадлежавшего одному из соседних плантаторов.

Этот молодой человек был отдан своим хозяином внаем на ткацкую фабрику, где благодаря своей ловкости и живому уму слыл лучшим рабочим. Он изобрел машину для очистки хлопка, которая, если учесть уровень знаний и положение изобретателя, свидетельствовала о его исключительных способностях в области механики.

Красивый, умевший прекрасно и с достоинством держаться, Джордж Гаррис пользовался на фабрике всеобщими симпатиями. Ввиду того, однако, что он перед лицом закона был не более чем вещь, все эти исключительные способности оказывались собственностью узколобого, бездушного тирана-хозяина. Услышав об изобретении Джорджа, он прискакал на фабрику с целью лично убедиться в том, что сумела сделать его «живая собственность». Владелец фабрики встретил хозяина Джорджа очень предупредительно и поздравил его с тем, что он владеет таким ценным рабом.

Джордж водил своего хозяина по фабрике, показывал машины и в радостном возбуждении говорил так гладко, держался так прямо, выглядел таким красивым, что его господина охватило неприятное чувство от сознания собственной неполноценности. На кой черт его рабу изобретать какие-то там машины, свободно повсюду бегать и поднимать голову в присутствии белых людей? Он не замедлит положить этому конец. Он заберет его обратно, вернет к лопате и мотыге, и тогда посмотрим, будет ли он расхаживать с такой важностью! К величайшему удивлению владельца фабрики, он тут же потребовал плату, следующую за работу Джорджа, и заявил о своем намерении забрать его с собой.

- Но, мистер Гаррис, - воскликнул фабрикант, - я этого никак не ожидал!
- Возможно. Но разве этот раб не моя собственность?
- Мы охотно повысили бы плату за него!
- Меня это вовсе не интересует. У меня нет необходимости отдавать своего раба внаем, когда мне этого не хочется.
- Но у него, по-видимому, к этому делу особые способности.
- Вполне возможно. Хотя до сих пор он никогда не проявлял особых способностей на тех работах, на которые я его ставил.
- Но вы только подумайте: ведь он изобрел эту машину! - воскликнул один из рабочих, не предполагая, что этими словами он вредит Джорджу.
- Еще бы: машину, которая сберегает труд! Не правда ли? Меня вовсе не удивляет, что он такую штуку изобрел. Это как раз дело, подходящее для негра. Все они только и мечтают, как бы поменьше работать. Пусть собирается!

Джордж, слыша эти слова из уст человека, власть которого над ним, как он знал, была ничем не ограничена, словно оцепенел. Скрестив руки, он крепко сжал губы, но в груди его клокотал вулкан самых горьких чувств. Его большие темные глаза сверкали, как раскаленные уголья. Он тяжело переводил дыхание, и дело, возможно, кончилось бы опасной вспышкой, если бы фабрикант, коснувшись его руки, не шепнул ему:

- Подчинись, Джордж. Отправляйся сейчас с ним. Мы попытаемся как-нибудь помочь тебе.

Хозяин Джорджа уловил этот шепот, хотя не мог разобрать слов. Это еще больше утвердило его в намерении проявить всю силу власти, которой он обладал, над своей жертвой.

Джорджа доставили обратно в поместье и заставили выполнять самую грязную работу. Внешне он покорился, стараясь подавить каждое непочтительное слово, готовое сорваться с его уст, но сверкающий взгляд и мрачные складки, прорезавшие лоб, были достаточно красноречивы и служили лучшим доказательством того, что человека нельзя превратить в вещь.

Во время своей работы на фабрике Джордж познакомился с Элизой и женился на ней. Владелец фабрики благоволил к нему, и Джордж пользовался правом располагать свободным временем по своему усмотрению.

Миссис Шельби отнеслась к их союзу благожелательно. Со свойственной большинству женщин склонностью к сватовству она радовалась возможности выдать хорошенькую Элизу за человека ее же круга, который во всех отношениях так хорошо подходил к ней. Их обвенчали в большой гостиной Шельби, госпожа собственноручно украсила чудесные волосы невесты флердоранжем и приколола свадебную вуаль, которая, казалось, никогда не украшала более прелестной головки. Не было также недостатка ни в белых перчатках, ни в вине, ни в сладких пирогах, и собравшиеся гости восхваляли красоту невесты и щедрость госпожи.

В течение нескольких лет Элиза часто виделась со своим мужем, ее счастье было омрачено только смертью двух первых ее детей.

После рождения маленького Гарри Элиза постепенно стала ровнее и спокойнее. Любовь и забота о ребенке исцелили раны ее сердца. Молодая мать окрепла и поправилась. Она считала себя счастливой женщиной. Но все это блаженство внезапно кончилось, когда ее муж был грубо оторван от увлекавшей его работы и оказался вновь в железных лапах своего законного владельца.

К величайшему удивлению владельца фабрики, мистер Гаррис... заявил о своем намерении забрать Джорджа с собой.

Верный своему слову, фабрикант через несколько недель после ухода Джорджа посетил мистера Гарриса. Он надеялся, что тот уже остыл и будет сговорчивее. Кроваво заинтересованный в возвращении этого на редкость одаренного рабочего, он использовал все средства и доводы, чтобы заставить Гарриса отпустить Джорджа снова на фабрику.

– Можете не стараться, – с непоколебимым упрямством ответил Гаррис. – Я знаю, что делаю.

– Я и не осмеливаюсь вам что-либо предписывать, мистер Гаррис, – сказал фабрикант, – но мне казалось, что вам прямой расчет сдать мне этого раба на предложенных условиях.

– О, я великолепно разбираюсь в этом деле, – возразил Гаррис. – В тот день я отлично видел, когда приехал за ним, как вы шептались и подмигивали ему. Но меня не так-то легко провести! Мы, слава богу, живем в свободной стране! Этот негр принадлежит мне, и я могу делать с ним все, что мне заблагорассудится! Вот как обстоит дело.

Таким образом, для Джорджа угас последний луч надежды. Ему было ясно: предстояла жизнь, полная страданий и непосильного, оупляющего труда. А жестокое обращение и самые изощренные мучительства, продиктованные злобой и властолюбием, сделают этот труд еще более горьким.

Какой-то человеколюбивый ученый-юрист сказал: «Нельзя придумать для человека худшего применения, чем повесить его». Нет, он ошибся. Бывает и хуже.

Глава III

Супруг и отец

Миссис Шельби уехала, как собиралась, в гости. Элиза, грустная, стояла на веранде и глядела вслед удалявшемуся экипажу. Вдруг чья-то рука неожиданно легла на ее плечо. Она обернулась, и радостная улыбка осветила ее лицо.

– Джордж! Неужели это ты? Как ты меня напугал! Как я рада, что ты пришел! Миссис до вечера не вернется домой. Пойдем ко мне в комнатку, там нам никто не помешает.

С этими словами она ввела его в хорошенькую комнатку, выходившую на веранду. Здесь она обычно проводила время за шитьем, готовая в любую минуту поспешить на зов своей госпожи.

– Как я рада! Почему ты не улыбаешься? Погляди только на Гарри, как он растет!

Мальчуган, уцепившись за юбку матери, чуть-чуть испуганно сквозь спадавшие на глаза кудри поглядывал на отца.

– Ну, разве он не хорош? – проговорила Элиза, откидывая кудряшки со лба ребенка и нежно целуя его.

– Лучше бы ему вовсе не родиться! – с едкой горечью проговорил Джордж. – Лучше бы мне вовсе не родиться!

Удивленная и испуганная, Элиза упала на стул и, прижавшись к плечу мужа, разразилась слезами.

– Элиза, бедная моя, как нехорошо с моей стороны так огорчать тебя, – проговорил он с нежностью. – Но мне слишком тяжело! Уж лучше бы ты никогда не встречалась со мной... Быть может, ты была бы более счастлива...

– Джордж, Джордж, как можешь ты так говорить! Наверно, произошло что-нибудь ужасное... Или должно произойти... Мы еще совсем недавно были так счастливы!

– Да, любимая моя, – проговорил Джордж. Притянув к себе ребенка, он посадил его на колени и медленно провел рукой по его густым волосам. – Он вылитый твой портрет, Элиза, и ты самая красивая женщина, какую я только видел. Да и самая хорошая к тому же. И все-таки – лучше бы я никогда не встречался с тобой!

– Джордж, да что это с тобой?

– Горе, одно только горе и несчастье! Жизнь моя горька, как полынь. Горе грызет мое сердце!.. Что я такое? Бедное, беспомощное вьючное животное! И тебя я тоже тяну за собой в пропасть. Какая польза от того, что я прилагаю все усилия, стараясь что-нибудь сделать, чему-нибудь научиться? К чему я еще существую на свете? Лучше бы я был мертв!

– Джордж, дорогой мой, грешно так говорить, – прошептала Элиза. – Я знаю, как тяжело у тебя на душе с тех пор, как тебе пришлось оставить место на

фабрике. И господин у тебя жестокий... Но умоляю тебя, потерпи еще немного, и, может быть...

– Терпеть? – прервал он ее. – Да разве я не был терпелив? Разве я хоть слово промолвил, когда он явился и увел меня с фабрики? Я отдавал ему весь свой заработок до последнего цента, а ведь все говорят, что я хорошо работал.

– Разумеется, это ужасно! – сказала Элиза. – Но ведь ты сам знаешь: он твой господин.

– Мой господин! А кто сделал его моим господином? Я всегда думаю об этом. Какие права он имеет на меня? Я такой же человек, как он, и более толковый, чем он. Я лучше знаю дело, чем он. Я лучше читаю, чем он, у меня лучший почерк. И научился я всему сам, не ему я этим обязан; я учился, преодолевая препятствия, которые он ставил на моем пути. И вот я спрашиваю: какое право он имеет превращать меня во вьючное животное? Забрать меня с места, где я мог сделать многое, чего он даже и понять не в состоянии, и нагрузить меня работой, которую может выполнять любая лошадь? Он говорит, что выбьет из меня самомнение, заставит на брюхе ползать. Он наваливает на меня самую тяжелую и грязную работу.

– Джордж, дорогой, ты пугаешь меня. Я никогда не слышала от тебя таких слов. Я чувствую: ты готов сделать что-нибудь ужасное! Меня не удивляет твой гнев. Но умоляю тебя: будь осторожен, хотя бы ради меня, ради Гарри!..

– Я был осторожен, был терпелив, но дольше терпеть не могу. Хозяин пользуется любым поводом, чтобы оскорбить и помучить меня. Я надеялся, что, если я хорошо буду справляться с порученной мне работой и вести себя спокойно, у меня будет оставаться хоть немного времени после рабочего дня на чтение и на то, чтобы учиться. Но чем больше он убеждается в моей выносливости, тем больше он наваливает на меня работы. Он говорит, что, хоть я и молчу, он все же видит, что во мне сидит дьявол. И, может быть, он не так уж не прав: этот дьявол когда-нибудь вырвется наружу, и так, что это вряд ли понравится хозяину... Пусть он имеет это в виду!..

– О господи! Что же нам делать? – с глубокой печалью прошептала Элиза.

– Не далее как вчера, – продолжал Джордж, – когда я грузил на телегу камни, сын мастера Гарриса, маленький мастер Том, не переставая щелкал бичом, стоя подле самой лошади. Конь заволновался. Я вежливо попросил мальчика перестать. Но он разошелся еще больше. Я еще раз обратился к нему с той же просьбой. Тогда, повернувшись, он принялся хлестать кнутом меня. Когда я удержал его за руку, он поднял неистовый рев и бросился к отцу жаловаться. Тот прибежал совершенно взбешенный, закричал, что научит меня понимать, кто мой господин, привязал меня к дереву, нарезал тут же длинных прутьев и, вручив их молодому мастеру, сказал, что он может пороть меня, пока не устанет. И тот воспользовался разрешением... Он еще когда-нибудь вспомнит об этом!

Лоб Джорджа прорезали гневные морщины, и в глазах загорелся опасный огонь. Дрожь пробежала по телу Элизы.

- Кто сделал этого человека моим господином? Вот что я желаю знать! - воскликнул он.

- Мне всегда казалось, - растерянно проговорила Элиза, - что мой долг повиноваться господину моему и госпоже. Так объяснял господин пастор. Он говорил, что я обязана быть покорной.

- Священники всегда так говорят! В твоих условиях, может быть, это хоть в какой-то мере правильно, - сказал Джордж. - Твои хозяева растили тебя, как родное дитя, кормили и одевали. Хозяйка была добра к тебе, учила тебя, так что ты получила хорошее воспитание. Поэтому они вправе и предъявлять к тебе известные требования. Но меня топтали ногами, осыпали бранью, били и в лучшем случае не обращали на меня внимания. Какие у меня обязательства по отношению к такому господину? Свое содержание я окупил во сто крат. Нет, больше я не хочу этого выносить! - воскликнул он, в гневе сжимая кулаки.

Элиза молчала. Никогда еще не видела она своего мужа в таком состоянии.

- Помнишь, - снова заговорил Джордж, - помнишь бедного маленького Карло, которого ты когда-то мне подарила? Эта собачонка была моим единственным утешением. Ночью она спала подле меня, а днем всюду бегала за мной. Она глядела мне в глаза с таким видом, будто понимала, как тяжело у меня на душе. Несколько дней назад я кормил Карло отбросами, подобранными мной у дверей кухни. Неожиданно появился хозяин. Он заявил, что я кормлю собаку на его счет и он, мол, не так богат, чтобы позволить каждому из его негров держать собаку. Он приказал мне привязать камень к шее собаки и бросить ее в пруд.

- Но ты не сделал этого, Джордж?! - воскликнула Элиза.

- Нет, я этого не сделал. Но хозяин сделал это сам, и он, и маленький Том еще швыряли в Карло камнями, когда он тонул. Если б ты видела, с каким укором несчастный песик глядел на меня, будто не понимая, почему я не прихожу ему на помощь!.. Затем меня еще избили за то, что я не исполнил приказания. В ту минуту мне это было безразлично. Мой хозяин еще поймет когда-нибудь, что я не из тех, кого ударами можно заставить покориться. Его час придет раньше, чем он успеет опомниться!..

- Что ты замышляешь? Джордж, умоляю, не делай ничего дурного! Если ты положишься на бога, он придет тебе на помощь!

- Я не так настроен, как ты, Элиза. Мое сердце полно горечи. Я не могу положиться на божью волю. Почему, если бог существует, допускает он, чтобы совершались такие несправедливости?

- Джордж, муж мой, мы должны быть крепки в вере. Моя госпожа говорит, что бог направляет все к лучшему, даже в тех случаях, когда нас как будто поражает величайшее несчастье.

- Это легко говорить людям, восседающим на мягких диванах и разъезжающим в каретах. Но попробовали бы они поменяться со мною местами. Тогда они, надо полагать, заговорили бы совсем по-другому. Я желал бы быть мягкосердечным и добрым, но сердце мое горит, и я не могу примириться с судьбой. Ты поймешь меня, когда все узнаешь...

- Что? Что? Говори скорее!

- Недавно господин мой сказал, что был дураком, позволив мне жениться на стороне. Он, мол, ненавидит мистера Шельби и все его отродье за их гордость и за то, что они задирают перед ним нос. От тебя, по его словам,

я научился бог весть что воображать о себе. Он сказал, что больше не позволит мне ходить к тебе, что я должен жениться и жить безвыходно в его поместье. Прежде он говорил такие вещи, когда выходил из себя и ругался. Но вчера он объявил мне, что я должен жениться на Мине и поселиться с нею в хижине, не то он продаст меня на Юг.

- Но ведь нас с тобой венчал священник точно так же, как венчают белых, - сказала Элиза в недоумении.

- Да разве тебе не известно, что раб не имеет права жениться? - почти закричал Джордж. - В нашей стране это воспрещается законом. Я не имею права оставаться твоим мужем, если хозяин пожелает разлучить нас. Потому я и говорил, что лучше бы нам никогда не встречаться! Лучше бы мне не родиться на свет! Нам обоим было бы легче. И для этого бедного ребенка тоже было бы лучше, если б он вовсе не родился. Кто знает, что ему еще предстоит в жизни...

- О, наш господин так добр!

- Да, конечно. Но он может умереть, и дитя может быть продано кому угодно. Мы не смеем радоваться тому, что наш мальчик красив, умен, талантлив. Говорю тебе, Элиза: за каждый дар, которым природа наградила твое дитя, меч пронзит твое сердце, - эти дары сделают ребенка слишком ценным товаром, и тебе не удастся сохранить его при себе.

Эти слова тяжело легли Элизе на сердце. Снова перед ее внутренним взором мелькнул образ работаровца. Она побледнела, и у нее захватило дыхание, словно ей нанесли смертельный удар. Со страхом взглянула она на веранду, куда убежал мальчуган - его утомил чрезмерно серьезный разговор, и сейчас он с торжествующим видом скакал верхом на тросточке мистера Шельби. Она подумала, не рассказать ли мужу о своих опасениях, но подавила это желание и промолчала.

«Нет, нет, бедному Джорджу и так слишком тяжело, - решила она. - Я ему ничего не скажу. Да ведь это, может быть, вовсе и не так. Миссис никогда нас не обманывает...»

- Будь здорова, Элиза, будь мужественной. Я ухожу, - произнес Джордж.

- Ты уходишь, Джордж? Но куда?

- В Канаду [5 - Канада в то время была английской колонией в Северной Америке, где не существовало рабства. Невольник, попав в Канаду, переставал быть рабом.], - сказал он, высоко подняв голову. - А когда я окажусь там, я выкуплю тебя. Это единственная надежда, которая остается нам. Я выкуплю тебя и мальчика. Хочу верить, что мне удастся выполнить это намерение.

- Господи!.. А если тебя поймут?

- Я не дамся им в руки, Элиза. Лучше смерть! Я буду свободен или умру.

- Но ведь ты не решишься на самоубийство?

- Этого не понадобится. Они сами убьют меня. Но живым они не продадут меня торговцам там, на низовье.

– Умоляю тебя, Джордж... Ради меня, берегись! Не соверши непоправимого... Не покушайся ни на свою жизнь, ни на чужую. Я понимаю... Искушение велико... Ты должен бежать... но будь осторожен и благоразумен...

– Хорошо, хорошо. Но выслушай меня, Элиза. Вот что я надумал. Мой хозяин решил сегодня послать меня со счетом к мистеру Саймсу. Он живет еще на милю дальше этой усадьбы, так что я должен был пройти мимо вашего дома. Хозяин, верно, так и предполагал, что я зайду к тебе, чтобы рассказать о своих делах. Мысль о том, что все «отродье этих Шельби», как он выражается, будет огорчено его решением, доставляет ему величайшее наслаждение. Я с самым покорным видом вернусь домой, сделав вид, что у нас с тобой все покончено. Кое-что я уже подготовил; кроме того, есть люди, готовые мне помочь. Еще до конца будущей недели я окажусь в списке «исчезнувших»... Не забывай меня, Элиза!

– Прощай, Джордж!.. Прощай!.. Мысленно я буду всегда с тобой!..

– Прощай! – проговорил Джордж и, взяв Элизу за руку, глубоко заглянул ей в глаза.

Они стояли так молча. Затем прозвучали последние прощальные слова и вздохи... Хлынули горькие слезы. Так расстаются люди, у которых надежда на возможную встречу висит на волоске, тонком, как паутина.

Глава IV

Вечер в хижине дяди Тома

Хижина дяди Тома была маленьким бревенчатым строением, почти вплотную прилежавшим к «дому», как негры обычно называют жилище хозяина. Перед хижинкой раскинулся участок земли, где тщательно выращивались клубника, малина и множество разных ягод и овощей. Летом весь фасад хижины утопал в зелени и алых цветах буйно разросшегося индийского жасмина и распространенных в этих краях месячных розах, которые так густо переплелись, что почти полностью скрывали необструганные балки строения. Здесь же в скромном уголке имели право в полной красе расцвести и хризантемы, петунии и разные другие цветущие растения – радость и гордость тетушки Хлои.

Но войдем в комнату.

Ужин в господском доме уже кончился, и тетушка Хлоя, которая в качестве главной поварахи наблюдала за приготовлением и подачей к столу кушаний, предоставив теперь уборку и мытье посуды низшим «кухонным чинам», вернулась к себе домой, чтобы приготовить ужин своему «старика». Это именно ее вы и видите у очага, где она с заботливым вниманием следит за чем-то шипящим на сковороде и время от времени торжественно приподымает крышку формы для печенья, откуда подымается не оставляющий никаких сомнений сладостный аромат чего-то вкусного. У нее круглое черное лоснящееся лицо, такое гладкое, что можно предположить, будто оно смазано белком, как приготавливаемые ею к чаю булочки. Оттеняемое туго накрахмаленной пестрой головной повязкой, оно излучает довольство, веселье и – мы никак не можем этого скрыть – известную долю самоуверенности, вполне обоснованной у лучшей поварахи во всей округе – ибо таковой повсюду слывет тетушка Хлоя.

Своему поварскому искусству она предана телом и душой. Все куры, индюшки и утки во дворе при ее приближении становятся серьезны и обмениваются глубокомысленными замечаниями на тему о жизни и смерти. Так как все ее помыслы всегда направлены на фарширование и жарение, то вполне естественно, что каждой домашней птице, еще сохраняющей жизнь и склонной к размышлениям, она внушает глубокий страх. Ее пирожные, в своем бесчисленном многообразии, навеки остались для менее изощренных ее товарок неразгаданной тайной. Упираясь руками в толстые свои бока, она покатывалась со смеху, когда весело и гордо повествовала о бесплодных попытках своих соперниц, надеявшихся сравняться с ней.

Приезд в дом гостей и организация званых обедов и ужинов словно пробуждали ее к новой жизни. Для нее не было более желанного зрелища, чем грома дорожных чемоданов на веранде: они означали, что ее ожидают новые подвиги и победы.

В настоящий момент тетушка Хлоя внимательно следила за формой для печенья, и мы, предоставив ее этому приятному занятию, закончим описание хижины.

В одном углу стояла кровать, покрытая белоснежным покрывалом, а перед ней был разостлан ковер довольно большого размера. Ковер этот и кровать, перед которой он был разостлан, как и весь этот угол хижины, были в большом почете и по возможности охранялись от разбойничьего вторжения ребятишек. Словом, этот угол заменял гостиную. В другом углу находилась кровать гораздо более скромного вида, явно по-настоящему служившая постелью. Стену над очагом украшали очень яркие литографии – картинки из Священного Писания и портрет генерала Вашингтона [6 – Генерал Вашингтон, Джордж (1732 – 1799) – главнокомандующий войск США в борьбе с Англией за независимость, затем – первый президент Соединенных Штатов.], нарисованный и раскрашенный так любовно, что сам герой, наверно, был бы крайне удивлен, если б это изображение попало к нему на глаза.

В третьем углу двое черноволосых ребят с блестящими карими глазами, сидя на грубо сколоченной скамье, внимательно следили за первыми попытками самостоятельного хождения их младшей сестренки. Попытки эти сводились к тому, что девчурка, с трудом поднявшись на ноги, мгновение покачивалась и затем снова падала. Каждое падение вызывало восторженное ликование окружающих, словно являлось небывалым достижением. К очагу был пододвинут стол с не совсем устойчивыми ножками. Он был покрыт скатертью. На столе выстроились цветастые чашки; другие признаки также указывали на ожидавшийся пир. За столом сидел дядя Том – лучший работник мистера Шельби. Ввиду того что ему предстоит стать главным героем этого повествования, мы должны возможно подробнее описать его. Это был высокий, широкоплечий человек, крепко сложенный, с черной, до блеска, кожей. На лице его лежала печать редкостной сердечной доброты и спокойного, рассудительного ума. Каждое движение его было полно достоинства и уверенности, но одновременно и доверчивой простоты и скромности.

Склонившись над столом, он медленно и усердно выводил буквы на лежавшей перед ним грифельной доске. В этом важном деле им руководил молодой мастер Джордж, красивый тринадцатилетний мальчик, исполненный сознания своего достоинства, как это и подобало учителю.

- Не так, не так, дядя Том! Тут три палочки, а не две! - воскликнул он, видя, что Том неправильно выводит букву «т». - Если ты начертишь две палочки, получится не «т», а «п».

- Да неужели? - с искренним удивлением проговорил дядя Том, почтительно и даже с некоторым восхищением следя за тем, как его юный преподаватель ловко выводит на доске нужную букву. Ухватив грифель своими толстыми, загорбелыми пальцами, он терпеливо начал снова выводить буквы, одну за другой.

- Как легко все дается этим белым! - произнесла тетушка Хлоя, собиравшаяся как раз смазать сковородку кусочком сала. - Погляди только, как он пишет, да еще и читает! - добавила она, на мгновение прервав свое занятие и с гордостью глядя на мастера Джорджа. - И приходит к нам по вечерам, читает нам вслух!

- Все это так, тетушка Хлоя, но я страшно голоден, - сказал Джордж. - Неужели пирог там в форме еще не скоро будет готов?

- Уж почти готов, мастер Джордж, - произнесла тетушка Хлоя, приоткрыв форму и заглянув туда. - Он уже почти такого коричневого цвета, как надо: настоящий светло-коричневый отлив. О, тут со мной никто не сравнится! На днях миссис велела Сэлли испечь пирог, чтобы она научилась это делать. «Да оставьте лучше, миссис, - говорю я ей. - Мне просто жаль дать портить хорошие вещи. Пирог поднялся только с одного бока - никакого в нем вида, никакого шика. Ну точь-в-точь мой башмак! Нет, оставьте уж лучше!»

С этими словами, в которых сквозило ее презрение к неопытности Сэлли, тетушка Хлоя приподняла крышку формы, и взорам открылся бисквитный пирог, которым вправе была бы гордиться любая городская кондитерская. Пирог явно составлял главную часть пира, и тетушка Хлоя деятельно принялась за последние приготовления к ужину.

- Марш с дороги, Мос и Пит, прочь, ребятишки! Отойди, Полли, медовое мое дитяtko! Мамми даст сейчас что-то вкусненькое своей доченьке. Ну, мастер Джордж, отложите-ка книжки в сторону и сядьте поближе к моему старику. Сейчас я достану жареные сосиски, и первая сковородка маисовых лепешек мигом окажется на тарелках.

- Мне следовало бы к ужину быть дома, - сказал Джордж, - но я ведь разбираюсь в том, что вкусно, и предпочитаю поужинать здесь.

- Верно, верно, милый мой, - приговаривала тетушка Хлоя, накладывая на его тарелку груды маисовых лепешек. - Вы хорошо знали, что старая тетка Хлоя прибережет для вас самый лучший кусочек! Уж будьте покойны! - И, шутливо ткнув Джорджа пальцем в бок, она снова повернулась к своим кастрюлям и сковородам.

- Ну, теперь дело дошло до пирога! - воскликнул Джордж, когда шипение на сковородке затихло, и, подняв большой нож, он нацелился на долгожданный пирог.

- Ради бога, мастер Джордж! - вскрикнула тетушка Хлоя, удерживая его руку. - Не собираетесь ли вы резать его этим большим, тяжелым ножом? Он

сразу опустится, он так великолепно поднялся! Вот тоненький старый нож, я всегда держу его отточенным на такой случай. Вот видите: пирог поддается так легко, как пух. Кушайте на здоровье, лучшего нигде не найдете.

– Том Линкольн говорит, – пробормотал Джордж с набитым ртом, – что его Джинни лучше готовит, чем ты.

– Эти Линкольны ровно ничего собой не представляют, – презрительно бросила тетюшка Хлоя. – Насчет господских манер они и понятия не имеют. Можно разве поставить мастера Линкольна рядом с мастером Шельби? Господи, боже ты мой! А миссис Линкольн? Умеет она разве войти в гостиную, шурша юбками, так плавно, так шикарно, как наша миссис? Нет уж, отстаньте от меня с вашими Линкольнами, мастер Джордж, невысокого полета они птицы!

И тетюшка Хлоя откинула голову, как человек, уверенный в своем знании света.

– Но ведь ты сама говорила, – настаивал Джордж, – что Джинни хорошая кухарка.

– Говорила. И это правда. Добрую, простую кухню она хорошо знает. Она печет хороший хлеб, картофель у нее хорошо отварен, но с маисовыми лепешками дело у нее уже получается не совсем ладно. Что же касается всяких тонкостей, тут она способна ужас что настряпать! Она, скажем, готовит паштеты, но какая у них корочка! Умеет она разве приготовить настоящее слоеное тесто так, чтобы оно во рту таяло, расходилось, словно оно воздухом надут? Я однажды ходила туда, когда мисс Мэри выходила замуж и Джинни показывала мне свадебные пироги. Вы ведь знаете, мастер Джордж, мы с Джинни приятельницы. Я ничего не говорю, но если б я испекла такой пирог, да я бы целую неделю глаз не сомкнула! Никуда они не годились!..

– А Джинни, верно, думала, что они превосходные? – спросил Джордж.

– Ну, конечно! Она мне их показывала, думая, что они очень даже хороши. В том-то и дело. Джинни и понятия не имеет, какие они должны быть. Дом-то ведь, семья – не бог весть какие! Чего же от нее требовать? Это не ее вина. Ах, мастер Джордж, вы даже сами не знаете, как вам хорошо и какая у вас семья!

Тут тетюшка Хлоя вздохнула и возвела очи к небу.

– Я это прекрасно понимаю, тетюшка Хлоя. Что же касается превосходства наших паштетов и пудингов, то ты бы спросила у Тома Линкольна, как часто я хвастаю ими, – сказал Джордж.

Тетюшка Хлоя откинулась назад и захохотала так, что слезы покатались по ее круглым лоснящимся щекам. При этом она награждала Джорджа шутливыми шлепками, называя его «злодеем», который когда-нибудь уморит ее. И она снова и снова покатывалась со смеху, так что Джордж и сам начинал верить, что он остроумнейший парень.

– Что же вы сказали Тому? О господи, чего только молодежь не проделывает! О господи, мастер Джордж, я умру, умру со смеху!

– Да, – подтвердил Джордж. – Я ему не раз говорил: «Ты бы, Том, попробовал паштетов тетки Хлои, вот это паштеты так паштеты!»

– Как жаль, что Тому Линкольну ни разу не довелось их попробовать! – вдруг огорчилась тетюшка Хлоя, доброе сердце которой исполнилось состраданием к бедному, неопытному отпрыску Линкольнов. – Вам бы

следовало когда-нибудь пригласить его пообедать, мастер Джордж. Это было бы очень мило с вашей стороны. Не надо чересчур гордиться своими преимуществами.

- Хорошо, я как-нибудь на будущей неделе приглашу Тома, - предложил Джордж. - А ты уж постарайся сделать все только как можно лучше. Пусть-ка подивится! Пусть так наестся, что на две недели вперед будет сыт!

- Да, да, - с восхищением произнесла тетушка Хлоя. - Вы увидите... Господи, и каких только обедов у нас не бывало! - продолжала она с умилением. - Вы помните, какой куриный паштет я состряпала, когда у нас к обеду был генерал Кнокс? Из-за корочки мы даже чуть было не поспорили с миссис. Не знаю, что иногда находит на хозяйек! И, заметьте, всегда в такое время, когда на тебя ложится величайшая ответственность, им взбредет на ум путаться под ногами и во все вмешиваться! Миссис в тот раз все пыталась мне указывать, как и что мне делать, пока я вдруг на рассердилась и не сказала: «Миссис, взгляните-ка не ваши прекрасные белые руки с длинными пальцами и сверкающими перстнями! Они похожи на белые лилии в моем садике, когда на них роса блестит. А потом поглядите на мои большие, черные, толстые ручки. Ну, не кажется ли вам, что бог создал меня на то, чтобы я месила тесто для паштета, а вас на то, чтобы сидеть в гостинной?» Да, вот что я посмела сказать.

- Что же сказала мама?

- Что она сказала? Она улыбнулась, улыбка засветилась в ее больших красивых глазах, и она сказала: «Знаешь, тетушка Хлоя, ты, кажется, права». И пошла себе в гостиную. Она должна была бы рассердиться, но что поделаешь: мне все эти дамы в кухне не нужны!

- Да, с тем обедом все получилось замечательно, - сказал Джордж. - Я хорошо помню: все говорили, что ты с честью вышла из положения.

- В самом деле? Я стояла за дверьми столовой и видела, как генерал Кнокс три раза протягивал тарелку, чтобы ему положили еще паштета. И он сказал: «У вас, миссис Шельби, должно быть, замечательная кухарка!» Я чуть не умерла с хохоту!.. Любезный человек этот генерал. Он принадлежит к одной из самых лучших семей в Старой Виргинии [7 - Старая Виргиния - юго-восточный штат, одно из первых мест поселений англичан на Американском материке. Потомственная аристократия Старой Виргинии считалась самой знатной.]. Он знает не хуже меня толк в хорошей кухне. Да, он знает толк. Видите, мастер Джордж, в паштетах есть такие тонкости, которые не все умеют ценить. Но генерал знал толк, это сразу было видно по его замечаниям... Да вы кушайте, мастер Джордж!..

Но Джордж дошел уже до того предела, который непреодолим даже для подростка: он был так сыт, что не мог больше проглотить ни кусочка.

- Лови, Мос! Лови, Пит!.. - закричал он, отламывая большие куски пирога и бросая их ребятишкам. - Вам ведь тоже хочется вкусенького? Правда? Тетушка Хлоя, пожалуйста, испеки и для них по пирожку.

Джордж и Том уселись поудобнее в уголке у очага, тогда как тетушка Хлоя, успевшая напечь целую гору лепешек, взяв на колени младшего ребенка, села в сторонке и принялась поочередно набивать то его рот, то свой, не забывая в то же время о Пите и Мосе. Последним лепешки доставляли особое наслаждение: поглощая их, они в то же время катались по полу под столом, щекоча друг друга и пощипывая ножку девчушки, свисавшую с материнских коленей.

- Да перестаньте же! - покрикивала время от времени мать, пытаюсь на ощупь оттолкнуть ногой озорников, когда они уж чересчур начинали шуметь. - Вот погодите, я вам пуговицы пониже пришью, когда мастер Джордж уйдет!

Трудно сказать, что означала эта угроза, на юных грешников она, во всяком случае, особого впечатления не произвела.

- Господи, да что же это такое? - сказал наконец дядя Том. - Они так разошлись, что никакого удержу не знают!

Ребята выбрались из-под стола. Лица и руки их были вымазаны сиропом, но они, не задумываясь, накинулись на свою сестренку, покрывая ее поцелуями.

- Марш! Убирайтесь! - приказывала мать, отстраняя курчавые головы. - А то вы еще склеитесь все вместе, и вас будет не оторвать друг от друга. - Слова сопровождалось громкими шлепками, не причинявшими, впрочем, боли: мальчишки захохотали еще громче и, кувыркаясь, выкатились за дверь. С улицы донеслись их победные крики.

- Видели вы когда-нибудь таких невозможных озорников? - с явным удовольствием проговорила тетушка Хлоя. Затем, достав старое, должно быть именно на такие случаи припасенное, полотенце, налила из разбитого чайника на уголок немного воды и принялась очищать лицо и ручки девочки от липкого сиропа. Когда лицо ребенка заблестело, как зеркало, она усадила его на колени к Тому и занялась уборкой посуды. Девчушка, пользуясь дарованной ей свободой, ущипнула Тома за нос и зарылась ручонками в курчавых волосах отца.

- Разве не чудная девчонка! - произнес Том. Он высоко подкинул ее на вытянутых руках и заплясал с нею по комнате.

Джордж швырял в них скатанным носовым платком, а вернувшиеся в дом мальчишки, рыча, бегали вокруг них, подражая медведю. Они продолжали прыгать, кричать и плясать, пока окончательно не выбились из сил.

- Надеюсь, вы кончили? Мос и Пит, - сказала тетушка Хлоя, вытаскивая из угла ящик с постелью, - ложитесь-ка спать. Сейчас люди начнут собираться на молитву.

- Ой, мама, не надо спать! Позволь нам остаться поглядеть, как будут молиться! Это так потешно!..

- Тетушка Хлоя, пожалуйста, убери ящик, исполни их просьбу, - сказал Джордж и решительно оттолкнул ящик в угол.

Приличия были соблюдены, и тетушка Хлоя сама была, видимо, обрадована, когда спальный ящик исчез из виду.

- Кто знает, может быть, это пойдет им на пользу, - проговорила она успокоительно.

Все присутствующие, образовав подобие распорядительного комитета, взялись за обсуждение порядка предстоящего собрания.

- Не знаю, право, где мне взять столько стульев? - суетливо говорила тетушка Хлоя.

- Старый дядя Пит в прошлый раз «отпел» две ножки от самого старого стула, - задумчиво заметил один из мальчиков.

- Ты, наверно, сам отломил их! - воскликнула тетушка Хлоя.

- Ничего, я прислоню его к стене, - сказал Мос.

- Пусть только дядя Пит не садится на него, - продолжал неугомонный мальчуган. - Когда он поет, он все время ездит на своем стуле. В прошлый раз он чуть не всю комнату объездил.

- Вот и хорошо: пусть сядет на этот стул! - восторженно воскликнул Мос. - Как только он затянет: «Придите ко мне, верующие и грешники!» - и бац! шлепнется на пол. - И мальчуган постарался воспроизвести гнусавый голос дядюшки Пита, а затем скатился со стула, изображая будущую катастрофу.

- Будешь ли ты вести себя как следует! - крикнула тетушка Хлоя. - И не стыдно тебе?

Но мастер Джордж вступился за шалунов и даже заявил, что Мос - умная голова.

- Ну, старина, - сказала тетушка Хлоя, обращаясь к Тому, - тащи сюда бочонки.

- Помнишь, в прошлый раз у бочонка провалилось дно, и все грохнулись во время пения! - с наслаждением вспомнил Пит. - Вот было ловко!..

Пока мальчики, предвкушая предстоящее развлечение, с восторгом обсуждали подробности, Том и его жена вкатили в помещение два пустых бочонка. С боков их укрепили камнями, сверху на них положили доски. Опрокинули вверх дном все имевшиеся в хижине лоханки и ведра, расставили колченогие стулья, и необходимые приготовления этим закончились.

В то время как Джордж развлекался в хижине дяди Тома, в господском доме происходили события другого рода.

Торговец и мистер Шельби, снова занятые беседой, сидели в той самой столовой, о которой уже упоминалось выше. На столе перед ними были разложены документы и все необходимое для письма.

Шельби перебирал кредитки, сложенные в аккуратные стопки, и, просчитав одну за другой, подвигал к торговцу, который тщательно проверял правильность подсчета.

- Все в порядке, - сказал наконец Хеллей. - А теперь подпишем вот это.

Шельби поспешно пододвинул к себе акт продажи и подписал его, как человек, старающийся как можно скорее отделаться от тяжелого для него дела. Хеллей вынул из поношенного кожаного саквояжа какой-то документ и, внимательно пробежав его глазами, протянул мистеру Шельби, которому с трудом удалось подавить нетерпение, сквозившее в каждом его движении.

- Ну вот, дело сделано! - сказал торговец, поднимаясь из-за стола.

- Да, сделано... - задумчиво повторил Шельби, глубоко вздохнув. - Решено и сделано...

- Мне кажется, вы не слишком этому рады, - заметил торговец.

- Хеллей, - ответил Шельби, - я надеюсь, что вы не забыли: вы честью своей клялись, что не продадите Тома, не узнав предварительно, в какие руки он перейдет.

- А разве вы сами не продали его торговцу «живым товаром»? - ехидно спросил Хеллей.

- Вы отлично знаете, что меня вынудили обстоятельства! - почти крикнул Шельби.

- Вот видите... А меня тоже могут вынудить обстоятельства, - насмешливо ответил торговец. - Тем не менее я сделаю все возможное, чтобы устроить Тома в хорошие руки. А я уж с ним дурно обращаться не стану, можете не беспокоиться. Благодарение господу, я никогда не был жесток!

Вспомнив утренние рассуждения торговца о гуманности, Шельби отнюдь не почувствовал себя успокоенным этими уверениями. Он без дальнейших разговоров распрощался с торговцем и закурил сигару.

Глава V

Что чувствует живая собственность при перемене владельца

Супруги Шельби удалились к себе в спальню. Мистер Шельби, сидя в удобном кресле, просматривал письма, прибывшие с вечерней почтой, а его жена, стоя перед зеркалом, распускала волосы, которые Элиза так искусно уложила перед отъездом своей госпожи в гости. Заметив бледность и расстроенный вид своей служанки, миссис Шельби отпустила ее на весь вечер, посоветовав лечь в постель. Необходимость самой расплести волосы напомнила ей утренний разговор с Элизой, и она повернулась к мужу.

- Скажи, Артур, кто этот грубый и невоспитанный человек, которого ты сегодня пригласил к столу?

- Его имя - Хеллей, - ответил Шельби, беспокойно повернувшись в кресле и не поднимая глаз от письма.

- Хеллей?... А кто он такой? И разреши мне спросить, зачем он явился к нам?

- Это человек, с которым мне приходилось вести дела, когда я в последний раз был в Нахчеце, - ответил Шельби.

- И этого достаточно, чтобы он позволил себе явиться к нам к обеду и держаться так, словно он находится у себя дома?

- Я пригласил его, - сказал Шельби. - Мне нужно было произвести с ним расчеты.

- Он работоторговец? - спросила миссис Шельби, заметив, что муж ее чем-то смущен.

- Почему ты так думаешь, дитя мое, и к чему этот вопрос? - И Шельби на этот раз прямо посмотрел в лицо жены.

- О, только потому, что Элиза после обеда прибежала ко мне страшно взволнованная. Плача и рыдая, она рассказала мне, что ты беседуешь с торговцем рабами и что он предлагает тебе продать ему ее мальчика. Подумать только! Такая глупенькая!

- Вот как? - произнес мистер Шельби и на несколько мгновений словно целиком углубился в чтение письма, не замечая, что держит его вверх ногами.

«Все равно рано или поздно, а сказать придется», - думал он.

Миссис Шельби продолжала расчесывать волосы.

- Я сказала Элизе, - снова заговорила миссис Шельби, - что она просто дурочка со своими нелепыми страхами. Я сказала ей, что ты никогда никаких дел не имеешь с этими торговцами. Я ведь знаю, что у тебя не может быть намерения продать кого-либо из наших рабов, тем более такому человеку.

- Правильно, Эмилия, - ответил Шельби. - Я и сам всегда так думал и рассуждал. К сожалению, мои дела сейчас в таком положении, что мне не избежать... Мне придется продать кое-кого из моих слуг.

- Продать этому отвратительному человеку, Артур? Это невозможно! Ты шутишь, Шельби!

- Мне очень грустно, но я должен признаться тебе, что говорю совершенно серьезно. Я дал согласие продать Тома.

- Как? Нашего Тома? Этого доброго, преданного человека, который с юных лет был твоим верным слугой? О Шельби!.. Да ведь ты к тому же обещал освободить его... Мы оба обещали ему это, говорили об этом сотни раз. Если это правда, я готова поверить всему. Могу поверить даже, что ты способен продать крошку Гарри, единственного ребенка несчастной Элизы! - воскликнула миссис Шельби с болью и возмущением.

- Ну, раз тебе все равно придется узнать... Да, я договорился продать Тома и Гарри. И я, право, не знаю, почему ты так возмущаешься мною, словно я какое-то чудовище. Ведь я делаю только то, что многие другие делают ежедневно.

- Но почему ты остановил свой выбор именно на них? - спросила миссис Шельби. - Почему ты продаешь именно этих, а не других, если ты вообще вынужден продавать?

- Потому что за них была предложена самая большая сумма, вот почему. Я, конечно, мог сделать и другой выбор, если бы ты дала свое согласие. Этот человек предложил очень высокую цену за Элизу. Тебе бы это больше пришлось по душе?

- Что за негодяй! - вскрикнула миссис Шельби.

- Разумеется, я ни на секунду об этом даже не подумал. Я ни за что не сделал бы этого, чтобы не огорчить тебя. Зачти в мою пользу хотя бы это.

- Дорогой мой, - проговорила миссис Шельби, уже совершенно овладев собой. - Прости мою резкость. Я была поражена и совершенно не подготовлена к этому известию. Но ты все-таки разрешишь мне сказать хоть несколько слов в защиту этих несчастных созданий. Том - такой благородный, такой преданный человек! Мне кажется, Шельби, если бы понадобилось, он отдал бы за тебя свою жизнь.

- Знаю и верю этому. Но что пользы об этом говорить: у меня нет другого выхода.

- Почему не пожертвовать лучше деньгами? Я готова взять часть на себя. О Шельби, ведь я добросовестно старалась выполнять свой долг по отношению к этим несчастным, доверчивым и зависимым существам. Я заботилась о них, обучала их, внимательно следила за их жизнью и бывала посвящена во все их маленькие горести и радости!.. Как покажусь я им теперь на глаза, если мы из-за какой-то ничтожной, жалкой выгоды продадим такого преданного, чудесного, достойного доверия человека, как этот бедный Том, и в одно мгновение лишим его всего, что мы сами научили его любить и уважать? Я старалась внушить этим людям сознание долга по отношению к семье, говорила им о взаимных обязанностях мужа и жены, родителей и детей... Как же я перенесу это?.. Я вынуждена буду открыто признать, что там, где дело идет о денежной выгоде, мы не считаемся ни с долгом, ни с семейными связями, как бы святы они ни были... Я говорила с Элизой о ее мальчике, объясняла ей, что ее долг охранять его и воспитывать в правилах нравственности. Что же я теперь скажу ей, если ты вырвешь у нее ребенка и отдашь его во власть подлого, лишенного совести человека? И все это только ради денег? Я говорила ей, что человек дороже всех денег на земле. Как же ей в будущем верить моим словам, если она увидит, что мы, в прямое противоречие всему говорившемуся мной, продаем ее ребенка, зная, что тем самым мы обрекаем его на гибель?

- Мне очень больно, Эмилия, что ты все это так близко принимаешь к сердцу, - тихо произнес Шельби. - Я с глубоким уважением отношусь к твоим чувствам, хотя и не разделяю их целиком. Но клянусь тебе всем святым: все это бесполезно, у меня нет иного выхода. Я не хотел посвящать тебя во все это, но... короче говоря, у меня нет выбора: я должен продать этих двух или продать плантацию целиком. Я должен пожертвовать ими или всем. В руки Хеллея попала закладная, и если я сейчас же не покрою ее, ему достанется в руки все наше имущество. Я наскреб все, что мог, занял денег, чуть не выпрашивал их у друзей, но не хватило как раз той суммы, которую он предложил за этих двоих. Пришлось уступить ему Тома и Гарри. Мальчуган понравился Хеллею, и он стоял на своем, заявляя, что только при этом условии ликвидирует дело. Я находился в его власти и вынужден был уступить. Если продажа этих двоих так сильно волнует тебя, то что было бы с тобой, если бы пришлось продать всех?

Миссис Шельби стояла, словно пораженная громом. Наконец она опустила на стул и, закрыв лицо руками, громко застонала.

- Это проклятие, тяготеющее на рабовладении, - сказала она. - Самый факт его существования - проклятие и для раба, и для владельца. Преступление при таких законах, как наши, владеть рабами! Я чувствовала это, когда еще была девушкой. Еще глубже убедилась я в этом после замужества. Но мне все казалось, что возможно как-то перешагнуть через эту бездну... Я надеялась, что лаской, заботой смягчу участь своих рабов, дам им кое-какие знания; думала, что их положение будет лучше, чем на воле... Глупая я, глупая!..

- Жена моя, ты рассуждаешь, как настоящая аболиционистка! [8 - Аболиционистами в Северной Америке называли сторонников движения за освобождение рабов.]

- Если бы аболиционисты знали все, что знаю я о рабовладении, то они многое могли бы еще добавить к своим речам. Нам они нового ничего сказать не могут. Ты знаешь сам: я всегда считала, что рабовладение дело дурное, что я никогда не желала иметь рабов.

- В этом вопросе ты расходишься с очень многими мудрыми и благочестивыми людьми, - возразил Шельби. - Забыла ты разве проповедь пастора Б., произнесенную в позапрошлом воскресенье?

- Я не люблю такие проповеди! - с волнением воскликнула миссис Шельби. - Я не желала бы больше видеть и слышать пастора Б. Священники, возможно, не в силах искоренить это зло... но защищать его!.. Это всегда было неприемлемо для меня. Ты сам, наверно, был невысокого мнения об этой проповеди.

- Не спорю, - произнес Шельби. - Пастыри нередко в этих вопросах заходят дальше нас, бедных грешников... Но вернемся к делу, моя дорогая; я надеюсь, что ты поняла неизбежность свершившегося и признаешь, что я выбрал лучший исход при создавшихся обстоятельствах.

- Да, да, разумеется... - торопливо проговорила миссис Шельби, рассеянно теребя золотую цепочку с часами. - У меня совсем нет драгоценностей, - добавила она после некоторого раздумья. - Нельзя ли было бы продать хоть эти часики? Они когда-то стоили очень дорого... Если б я могла спасти хотя бы мальчика Элизы, я готова была бы с радостью отдать все, что у меня есть...

- Мне очень, очень жаль, Эмилия, - произнес Шельби с грустью, - мне очень жаль, что ты не можешь забыть об этом. Но поверь мне, ты ничем не можешь помочь. Сделка состоялась, документы подписаны и уже в руках Хеллея. Благодарю бога, что не случилось худшего. Этот человек имел возможность погубить всех нас, но теперь я развязался с ним. Если бы ты так же хорошо знала его, как я, ты бы поняла, что мы избежали большой опасности.

- Неужели он такой жестокосердный?

- Он настойчив и неподатлив, как недубленая кожа. Человек, которому безразлично все, за исключением наживы, холодный, безжалостный, как могила и смерть. Если б это ему сулило выгоду, он продал бы родную мать.

- И этому негодяю принадлежат сейчас наш добрый, верный Том и ребенок Элизы?

- Да, и это тяжким бременем лежит у меня на сердце... Кстати, Хеллей очень торопится. Он хотел бы уже завтра увезти свою вновь приобретенную собственность. Я рано утром прикажу оседлать лошадь и уеду. Я не могу встретиться с Томом... что правда, то правда... Тебе я рекомендовал бы также уехать куда-нибудь и взять с собой Элизу. Лучше всего, если он обделает это дело в ее отсутствие.

- Нет, нет! - воскликнула миссис Шельби. - Я ни в коем случае не желаю оказывать поддержку и помощь в этом жестоком деле. Я пойду к бедному нашему Тому. Да поможет ему бог в его горе! Пусть они знают, что их госпожа всем сердцем сочувствует им. Об Элизе я не смею даже и подумать! Какое преступление мы совершили, что должны были столкнуться с такой страшной необходимостью?

Ни господин, ни госпожа Шельби не подозревали, что весь этот разговор был подслушан лицом, кровно заинтересованным в происходившем.

Вплотную к спальне прилегала большая ниша с выходом в главный коридор. Когда миссис Шельби отослала Элизу, молодой женщине в ее лихорадочном беспокойстве вспомнилась эта ниша. Она пробралась туда и, плотно прижавшись к дверной щели, не упустила ни одного слова, сказанного ее хозяевами.

Когда голоса смолкли, она поднялась и осторожно, крадучись, вышла в коридор. Бледная, дрожа от озноба, с застывшим лицом и плотно сжатыми губами, она утратила всякое сходство с кротким и застенчивым существом, каким она была до сих пор. Неслышно прокравшись по коридору, Элиза на мгновение замерла у дверей своей госпожи, в немой мольбе подняв руки к небу. Затем она прошла в свою каморку. Это была тихая, уютная комнатка, расположенная в том же этаже, что и спальня госпожи. У широкого солнечного окна Элиза нередко сживала с шитьем, тихо напевая песню. Там на полочке стояли ее книги и всякие безделушки. В шкафу и комоды были сложены ее простенькие платья. Здесь, одним словом, было все ее прошлое, в общем довольно счастливое. На кровати лежал ее спящий ребенок. Длинные локоны небрежно спускались на лоб и щеки. Розовые губы были полуоткрыты, маленькие пухлые ручки покоились поверх одеяла, и улыбка, словно солнечный луч, освещала его лицо.

– Мальчик мой, бедное дитя мое! – прошептала Элиза. – Тебя продали, но твоя мать спасет тебя!

Ни слезинки не капнуло на подушку. При таких страданиях глаза остаются сухими. Только сердце неслышно истекает кровью. Взяв со стола листок бумаги, она поспешно набросала карандашом следующие строки:

«Дорогая миссис! Не считайте меня неблагодарной, не думайте обо мне дурно: я слышала все, о чем вы и наш господин говорили сегодня вечером. Я попытаюсь спасти моего мальчика. Вы не осудите меня. Прощайте и простите меня!»

Сложив записку и надписав на ней имя миссис Шельби, она подошла к комоду и собрала небольшой узелок детских вещей. Такая большая нежность бывает в материнской заботе, что даже в эти ужасные мгновения она не забыла вложить в узелок несколько любимых игрушек своего ребенка. Ярко раскрашенного попугая она отложила в сторону, чтобы позабавить мальчика, когда он проснется.

Разбудить крепко спящего ребенка оказалось не так-то легко, но когда Гарри открыл глаза, то сразу ухватился за попугая. Мать между тем торопливо надевала шляпу и закутывалась в шаль.

– Куда ты, мамми? – спросил он, видя, что она, держа в руках его костюм и шапочку, направляется к кровати.

Элиза близко подошла к нему и с такой серьезностью посмотрела ребенку в глаза, что он сразу же почувствовал необычность происходящего.

– Тихе, Гарри, – чуть слышно прошептала она. – Не говори громко, а то нас могут услышать. Пришел злой дядя, он хочет отнять маленького Гарри от его мамы и увезти далеко, далеко... Но мамми не отдаст своего мальчика. Она наденет своему мальчику шапочку, пальтишко и убежит с ним...

Занимая мальчика разговором, она в то же время торопливо одевала его. Затем, взяв его на руки и шепнув, чтобы он вел себя тихо, отворила дверь комнаты, ведущую на веранду, и бесшумно выскользнула в сад.

Была холодная звездная ночь. Элиза плотнее укутала ребенка в свою шаль. Охваченный смутным страхом, мальчик совсем притих, обеими руками охватив шею матери.

Старый Бруно – большой ньюфаундлендский пес, спавший у входа на веранду, приподнялся, слегка зарычав, когда она приблизилась к нему, но она ласково окликнула его по имени, и пес, старый любимец и товарищ ее игр, вильнул хвостом и собрался следовать за нею, хоть и не вполне постигая своим простым собачьим умом, что означает эта необычная ночная прогулка. Он несколько раз приостанавливался, оглядываясь на Элизу, не перестававшую быстро двигаться вперед, затем, словно успокоенный своими размышлениями, нагнал ее и побежал рядом с нею.

Через несколько минут они достигли хижины дяди Тома. Элиза остановилась и постучала в окно.

– Кто это такой? – проговорила тетушка Хлоя, соскочив с постели и поспешно отдергивая занавеску. – Клянусь всеми святыми, это Лиззи! Скорее надень куртку, старина. Тут и наш Бруно, он царапается в дверь... Что бы только это могло значить? Я поскорее отопру дверь.

Дверь распахнулась, и свет зажженной Томом сальной свечи упал на искаженное страданием лицо и темные блуждающие глаза беглянки.

– Господи, сохрани нас! Испугаться можно, глядя на тебя! Ты захворала или что над тобой стряслось?

– Я должна бежать, дядя Том и тетушка Хлоя! Я спряталась сегодня вечером в нише, подле комнаты миссис, и слышала, как наш хозяин сказал ей, что продал торговцу невольниками моего Гарри и тебя, дядя Том. Хозяин завтра с утра уедет, а тот в течение дня явится за своей собственностью.

Том стоял, воздев руки к небу и широко раскрыв глаза. Только постепенно осмыслив услышанное, он медленно опустился на стул и уронил голову на колени.

– Но ведь это не может быть правдой! – вскрикнула тетушка Хлоя. – В чем же он провинился?

– Ни в чем он не провинился. Тут другая причина. Хозяину не хочется его продавать, а миссис... она ведь такая добрая... Я слышала, как она просила за нас, но он сказал ей, что все напрасно. Он должен этому торговцу много денег и находится целиком в его власти. Если хозяин не рассчитается с этим человеком, ему в конце концов придется продать плантацию со всеми людьми. Я даже слышала, как он сказал, что у него нет выбора: либо продать этих двоих, либо – всех. Этот человек жестоко прижимает его... Я думаю, что поступаю правильно, а если и неправильно, что ж? Я не могу иначе.

– А ты, старина? Почему бы тебе не уйти вместе с нею? Неужели ты станешь дожидаться, пока тебя свезут по реке туда, где негров морят голодом и убивают непосильной работой? Я бы в десять раз охотнее умерла, чем отправилась бы туда, – утирая слезы, промолвила тетушка Хлоя. – Есть еще время. Собирайся и беги вместе с Лиззи. У тебя есть пропуск, и ты можешь передвигаться по своему желанию. Приготовься, я соберу твои вещи...

Том поднял голову и с горечью, но спокойно огляделся вокруг.

– Нет, – произнес он. – Я не убегу. Пусть Элиза бежит, она имеет на это право. Я не стану ее отговаривать. Но ведь ты слышала, что она сказала: или нужно продать меня, или все здесь будет разорено и пойдет прахом. Тогда уж лучше пусть продадут меня. Я думаю, что перенесу это не хуже остальных, – добавил он, и судорожное рыдание с хрипом потрясло его широкую грудь. – Мастер всегда находил меня там, где я был нужен. Так будет и дальше. Я никогда не обманывал его доверия, я никогда не пользовался моим пропуском против его желания. Не сделаю этого и теперь. Лучше пусть продадут меня, чем плантацию со всеми людьми и имуществом. Хозяина не следует порицать, Хлоя, он позаботится о тебе и об этих бедняжках, поверь мне.

Говоря это, Том повернулся к складной кровати, где покоились курчавые головки, и тут выдержка сразу оставила его. Он оперся о спинку стула и, закрыв лицо руками, глухо застонал. Громкие рыдания потрясли его грудь, и крупные слезы хлынули из глаз.

– Послушайте, – сказала Элиза, стоя уже на пороге. – Сегодня днем я видела моего мужа. Я тогда еще ничего не знала о том, что? нам грозит. Его довели до отчаяния, и он сообщил мне, что собирается бежать. Попытайтесь передать ему известие обо мне. Скажите, что я бежала и постараюсь перебраться в Канаду. Передайте ему мой прощальный привет и скажите, что я никогда не забуду его... Кликните Бруно, – добавила она. – Заприте его! Бедное животное!.. Ему нельзя бежать за мной.

Еще какие-то отрывистые слова, слезы, последнее «прости» – и, прижав к себе испуганного ребенка, она бесшумно выбежала из хижины.

Глава VI

Все раскрылось

Мистер и миссис Шельби после вечернего объяснения долго не могли уснуть и проснулись поэтому несколько позже обыкновенного.

– Хотела бы я знать, куда делась Элиза, – проговорила миссис Шельби, несколько раз безуспешно позвонив в колокольчик и видя, что никто не является.

Мистер Шельби стоял перед зеркалом и точил бритву. Открылась дверь, и вошел подросток-негр с водой для бритья.

– Энди, – сказала миссис Шельби. – Пойди к Элизе и скажи ей, что я уже три раза звонила... Бедняжка! – добавила она со вздохом.

Энди быстро вернулся. Глаза его были широко раскрыты от удивления.

– О миссис! Все ящики у Лиззи выдвинуты, вещи разбросаны... Я думаю, она уехала куда-то!

Супруги мгновенно поняли, в чем дело.

- Она, несомненно, заподозрила что-то и бежала! - воскликнул мистер Шельби.

- Слава богу! - прошептала миссис Шельби. - Хочу надеяться, что это так.

- Жена, ты говоришь глупости! - с возмущением произнес Шельби. - Подумала ли ты о том, в каком неудобном положении я окажусь, если это в самом деле так? Хеллей видел, что я колебался, он решит, что побег был устроен с моей помощью. Это бросит тень на мою честь! - И Шельби поспешно вышел из комнаты.

Около четверти часа в доме царила суматоха. С треском раскрывались и захлопывались двери; всюду мелькали взволнованные лица. Но единственный человек, который мог бы бросить свет на это дело, упорно молчал. Это была старшая повариха, тетушка Хлоя. Молчаливая, с мрачным выражением на обычно веселом лице, она подсушивала к завтраку гренки, будто не замечая царившего вокруг возбуждения.

Вскоре на перилах веранды расселась добрая дюжина негрятят: каждый из них жаждал первым сообщить приезжему господину о постигшей его неудаче.

- Вот-то взбесится! - воскликнул Энди.

- А ругаться будет, как бешеный! - с радостью добавил маленький чернолицый Джек.

- Что другое, а ругаться он умеет! - заметила курчавая Менди. - Я вчера слышала, когда он сидел за столом. Я пробралась в кладовушку, где миссис хранит большие кувшины, и мне каждое слово было слышно. - И Менди, обычно размышлявшая о виденном не больше, чем веселый котенок, расхаживала теперь в сознании своей глубокой осведомленности, забывая, однако, добавить, что хоть она действительно и пробралась в кладовку, но все время крепко спала там.

Когда наконец появился Хеллей, в ботфортах со шпорами, его со всех сторон встретили известиями о неудаче. Маленькие разбойники на веранде не ошиблись в своих расчетах: Хеллей ругался так многословно и красочно, что слушатели получили полное удовольствие. Они корчились от смеха и ловко носились вокруг Хеллея, стараясь избежать ударов хлыста, которым он яростно размахивал.

- Только бы мне изловить какого-нибудь из этих чертенят! - шипел Хеллей сквозь зубы.

- Но вам их не изловить! - торжествующе закричал Энди, строя ужасные гримасы и совершая за спиной торговца необыкновенные сальто-мортале, как только тот удалялся на несколько шагов.

- Послушайте, Шельби, - в ярости проговорил Хеллей, без стука врываясь в комнату, где сидели супруги. - Что это за история?! Говорят, женщина удрала со своим детенышем!

- Мистер Хеллей, - прервал его Шельби. - Здесь находится моя жена.

Хеллей поклонился.

- Прошу прощения, мадам, - пробормотал он, все еще хмуря брови. - Но я вынужден повторить: что за странная история! Я спрашиваю вас, сэр: это правда?

- Мистер Хеллей, - сказал Шельби, - если вы желаете говорить со мной, вам придется оставаться в рамках приличия. Энди, возьми у этого господина шляпу и хлыст. Прошу вас присесть. Я вынужден, к сожалению, сообщить вам, что женщина подслушала наш вчерашний разговор или каким-нибудь другим путем узнала о нем. Она бежала ночью и унесла с собой ребенка.

- Я рассчитывал в этом деле на честную игру, должен вам признаться, - грубо бросил Хеллей.

- Сэр! - с раздражением воскликнул Шельби. - Как прикажете понять это замечание? Для того, кто позволяет себе ставить под сомнение мою честь, у меня только один ответ.

Это резкое замечание произвело должное действие. Торговец уже более сдержанно заявил, что чертовски обидно для человека, заключившего честную сделку, попасть в такое глупое положение.

- Мистер Хеллей, - сказал Шельби, - если бы я не считал вашу досаду в некоторой степени оправданной, я не потерпел бы той бесцеремонности, с которой вы позволили себе ворваться ко мне. Ввиду того, однако, что нам нужно объясниться, я заранее предупреждаю вас, что не потерплю никаких намеков на то, будто я в этой истории играл какую-либо неблагоприятную роль. Я считаю, кроме того, своим долгом предоставить в ваше распоряжение моих лошадей и слуг и оказать вам помощь для поимки вашей собственности. Одним словом, Хеллей, - закончил он вдруг, переходя от ледяной официальности к своему обычному приветливому тону, - самое лучшее, что вы можете сделать, чтобы сохранить спокойствие духа, - это позавтракать. Затем мы обдумаем, что можно еще предпринять.

При этих словах своего супруга миссис Шельби поднялась и сказала, что неотложные дела вынуждают ее оставить их. Поручив солидного вида мулатке позаботиться о завтраке, она удалилась.

- Почтенная леди, по-видимому, недолюбливает вашего покорного слугу, - сказал Хеллей, пытаясь перейти на фамильярный тон.

- Я не привык, чтобы так вольно выражались о моей жене, - сухо оборвал его Шельби.

Хеллей принужденно засмеялся.

- Прошу извинения, - пробормотал он, - я, разумеется, пошутил.

- Некоторые шутки производят неприятное впечатление, - сказал Шельби.

- Проклятье! Он чертовски зазнался с тех пор, как я подписал те бумаги, - неслышно прошипел Хеллей. - Ужасно заважничал со вчерашнего дня!..

Известие о падении полновластного министра не могло бы вызвать большего волнения, чем вызвало известие о судьбе дяди Тома среди его чернокожих товарищей на плантации. Все говорили только о нем. Ни в доме, ни в поле никто не работал: все были заняты разговорами о продаже Тома и бегстве Элизы.

Черный Сэм, как его обычно звали, так как он был втрое чернее любого другого негра на плантации, обсуждал вопрос со всех сторон и со всех точек зрения, проявляя большую проницательность, но сводя все к тому, какое влияние это событие может оказать на его личное благополучие.

- Плох ветер, который никуда не дует, это уж так, - заявил Сэм поучительно и подтянул штаны, с необычайной ловкостью заменив при этом длинным гвоздем недостающую пуговицу - операция, которая, к его удовольствию, полностью ему удалась.

- Да, да, плохой ветер, - повторял он. - Том пал. Но зато для другого негра открывается возможность взобраться выше... А почему бы не для меня? Я думаю так... Том разъезжал верхом в начищенных сапогах, с пропуском в кармане, как большой человек. А почему бы Сэму не ездить так, хотел бы я знать?

- Хэлло! Сэм! Сэм! Хозяин зовет! Поймай Билля и Джерри! - закричал Энди, прерывая беседу Сэма с самим собой.

- А что там опять стряслось?

- Ты как будто и понятия не имеешь, что Лиззи сбежала вместе со своим мальчуганом.

- С каких это пор яйцо хочет считать себя умнее курицы? - с бесконечным презрением протянул Сэм. - Я знал об этом много раньше, чем ты. Я не так глуп, чтобы этого не знать.

- Хорошо. Так вот хозяин желает, чтобы Билль и Джерри были как можно скорее оседланы и взнузданы, и мы с тобой оба вместе с мистером Хеллеем поскачем за ней вдогонку.

- Правильно! - воскликнул Сэм. - Настало время, и зовут Сэма, он человек подходящий. Пусть поглядят только, как я ее поймаю! Мастер увидит, на что способен Сэм.

- Эх, Сэм, - сказал Энди, - обдумай все хорошенько. Дело в том, что миссис не желает, чтобы Элизу поймали. Попадет тебе от нее.

- Вот ловко! - воскликнул Сэм, широко раскрыв глаза. - Откуда ты это знаешь?

- Я сегодня утром своими ушами слышал, когда подавал хозяину воду для бритья. Она послала меня к Лиззи в комнату, чтобы узнать, почему Лиззи не идет одевать ее, и когда я сказал, что Лиззи исчезла, она поднялась и произнесла: «Слава богу». А мастер как рассердился!.. «Жена, - сказал он ей, - ты рассуждаешь, как дура». Но увидишь, она справится с ним. Я хорошо знаю, как все это произойдет. Всегда лучше быть на стороне миссис, я тебе говорю.

В ответ на это черный Сэм почесал свою курчавую голову, которая хоть и не служила вместилищем особой мудрости, но все же содержала известную долю того разума, который в состоянии разобраться, где кроется его выгода. О людях, обладающих таким умом, принято говорить, что они-де «отлично

знают, на какой стороне хлеб намазан маслом». Сэм поэтому остановился, все хорошенько взвесил и лишний раз подтянул штаны.

- В этом мире нельзя ничего утверждать окончательно, - глубокомысленно изрек он наконец. - А ведь казалось, миссис общет весь свет, лишь бы найти Лиззи, - добавил он задумчиво.

- Разумеется, - согласился Энди. - Но не можешь ты разве видеть дальше своего носа, черный ты негр? Миссис не желает, чтобы мастеру Хеллею достался сын Лиззи. В этом вся штука.

- Ого! - воскликнул Сэм с явным удовольствием.

- И я тебе еще кое-что скажу, - неожиданно произнес Энди. - Беги-ка ты со всех ног за лошадьми. Я слышал, как миссис о тебе спрашивала. Довольно тебе здесь околачиваться и болтать.

Теперь Сэм пришел в движение и вскоре показался с Биллем и Джерри. Держа одну лошадь в поводу, он галопом подлетел к крыльцу и, поравнявшись с коновязью, соскочил на полном ходу. Привязанная к столбу молодая и пугливая лошадка Хеллея взвилась на дыбы.

- Ого! - протянул Сэм. - Ты из пугливых? - И по лицу его скользнула странная, хитрая усмешка. - Ничего, я с тобой управлюсь.

Большое буковое дерево простерло перед домом широкие ветви, и маленькие трехгранные орешки усеивали землю под ним. Вертя один из них в руках, Сэм приблизился к лошади Хеллея, погладил и потрепал ее, словно желая успокоить. Делая вид, будто он поправляет седло, он ловко подsunул под него орешек, так что малейшее давление на седло должно было привести нервное животное в возбуждение, в то же время не оставив на спине у него ни ранки, ни даже царапины.

- Так, - пробормотал он, вращая глазами и самодовольно усмехаясь. - Теперь все в порядке!..

В эту минуту на балконе появилась миссис Шельби и знаком подозвала его. Сэм подошел к ней, всем своим видом выражая готовность и услужливость. Так, по его мнению, подобало держаться претенденту на освобождающийся пост.

- Почему ты только сейчас явился, Сэм? - спросила миссис Шельби. - Я ведь велела Энди сказать тебе, чтобы ты поторопился.

- Господи боже мой, миссис! Коней ведь в одну минуту не поймаешь! - воскликнул Сэм. - Они были на южном пастбище, бог весть как далеко от дома.

- Сэм, сколько раз я уже запрещала тебе всуе упоминать имя господне? Это грешно.

- О боже мой! Я совсем забыл, миссис. Больше никогда зря не буду упоминать его имя.

- Сэм, Сэм! Да ведь ты сейчас только снова упомянул его.

- В самом деле? Бог свидетель, я не хотел этого!

- Ты должен следить за собою, Сэм.

– Дайте мне только отдышаться, миссис, и я буду разговаривать совсем как полагается. Я буду очень стараться.

– Мне сказали, Сэм, – заговорила снова миссис Шельби, – что ты поедешь с мистером Хеллеем, чтобы показать ему дорогу и помочь ему. Береги лошадей, Сэм. Ты ведь знаешь, что Джерри на прошлой неделе прихрамывал. Не гони их слишком быстро.

Последние слова миссис Шельби произнесла, понизив голос и с особым ударением.

– Положитесь на меня, миссис, – сказал Сэм, выразительно вращая глазами. – Видит бог... Ого, это нечаянно вырвалось! – воскликнул Сэм, внезапно оборвав свою речь, и с таким забавным испугом, что его госпожа поневоле улыбнулась. – Да, миссис, я поберегу коней.

– Знаешь, Энди, – сказал Сэм, вернувшись под тень бука. – Меня несколько не удивит, если конь этого приезжего господина начнет брыкаться, как только он вскочит в седло. С некоторыми лошадьми это бывает. – И Сэм при этом многозначительно толкнул Энди в бок.

– Ого! – вскрикнул Энди, сразу сообразив, в чем дело.

– Видишь ли, Энди, миссис хочет выиграть время, это сразу видно. Я хочу ей чуточку в этом помочь. Знаешь что? Отвяжи-ка всех коней, пусть они побегают по площадке вон до той роши. Тогда, я думаю, мастеру не так-то скоро удастся выехать.

Энди осклабился.

– И послушай еще: если лошадь мастера Хеллея начнет беситься, нам придется своих коней отпустить, чтобы помочь ему. И мы ему поможем, не правда ли?

Сэм и Энди, закинув назад головы, разразились подавленным, непрерывающимся смехом и заплясали на месте, высоко вскидывая пятки.

Как раз в эту минуту на веранде показался Хеллей. Выпив несколько чашек прекрасного кофе, он несколько смягчился и находился в довольно сносном настроении.

Сэм и Энди схватились за плетенки из пальмовых листьев, которые они привыкли считать шляпами, и поспешили к коновязи, чтобы «помочь мастеру».

Шляпа Сэма совсем разъехалась. Торчавшие кверху концы листьев придавали ей крайне вызывающий вид и даже некое сходство с вождем дикого племени. У шляпы Энди поля были совсем оторваны, но он ловким шлепком нахлобучил на голову тулью и самодовольно оглянулся вокруг, словно спрашивая: «Кто посмеет сказать, что это не шляпа?»

– Ну, ребята, – крикнул Хеллей, – шевелитесь! Времени терять нельзя!

– Сию минуточку, – ответил Сэм, передавая поводья Хеллею и почтительно поддерживая стремя, в то время как Энди отвязывал двух других лошадей.

Но едва лишь Хеллей коснулся седла, как горячая лошадь сделала неожиданный скачок и скинула своего хозяина, так что он, перелетев через ее голову, упал на мягкую высохшую траву лужайки. Сэм испустил крик ужаса и ухватился за поводья, но так как при этом жесткие концы пальмовых листьев коснулись глаз лошади, то это отнюдь не содействовало ее успокоению. Возбужденное животное свалило Сэма с ног, презрительно

фыркнуло, взвилось на дыбы и понеслось к нижнему краю лужайки, куда за ним последовали Билль и Джерри, которых, следуя уговору, Энди своевременно отпустил, ускоряя их бег своими криками и возгласами.

Началась невообразимая сумятица. Сэм и Энди бегали и кричали, собаки лаяли. Пит, Мос, Менди, Фанни и все чернокожие мальчишки и девчонки с плантации, примчавшиеся на шум, хлопали в ладоши, вопили и кричали, охваченные горячим усердием и неудержимой готовностью услужить. Серая в яблоках лошадь Хеллея, быстрая и горячая, казалось, испытывала величайшее удовольствие от этой игры. Имея для бега в своем распоряжении свободное пространство длиной в полумилю, окаймляемое с двух сторон лесом, она забавлялась тем, что подпускала преследователей совсем близко к себе, и, когда они оказывались почти рядом, делала прыжок в сторону, и, фыркнув, вскачь уносилась к лесу и исчезала за деревьями.

В намерения Сэма вовсе не входило поймать которую-нибудь из лошадей раньше, чем он сочтет это нужным. Но со стороны должно было казаться, что он делает самые героические усилия, чтобы догнать разыгравшихся коней. Подобно мечу Ричарда Львиное Сердце [9 – Ричард Львиное Сердце – английский король в 1189 – 1199 гг. За храбрость, проявленную им в битвах, получил прозвище Львиное Сердце.], который всегда сверкал в самой гуще боя, пальмовая шляпа Сэма виднелась всюду, где могла грозить опасность, что будет поймана хоть одна лошадь. Стоило только лошади замедлить бег, как он с воплем: «Стой! Стой! Наконец поймали!» – бросался к ней, и она незамедлительно летела дальше.

Хеллей бегал взад и вперед, ругался и топал ногами.

Мистер Шельби, стоя на веранде, тщетно силился отдать какие-то приказания слугам, а миссис Шельби из окна своей комнаты с удивлением наблюдала за происходящим. В глубине души она, вероятно, догадывалась, чем вызван был этот переполох.

Было уже около двенадцати, когда Сэм, верхом на Джерри, с торжествующим видом подскакал к веранде. Он держал в поводу покрытую потом и пеной лошадь Хеллея. Но горящие глаза и раздувающиеся ноздри благородного животного говорили о том, что в нем еще не угасла жажда свободы.

– Поймал! – ликовал Сэм. – Не будь меня, они бы всю душу порастрясли, бегая за ней, но я ее поймал!

– Ты? – переспросил Хеллей не слишком приветливо. – Не будь тебя, этого вообще не случилось бы.

– Господи, смилуйся над нами! – произнес Сэм тоном величайшего огорчения. – Я ведь так гонялся и бегал, что с меня пот льет ручьем.

– Знаю тебя, – буркнул Хеллей. – Мы с твоими проклятыми штучками и так потеряли три часа. Но теперь едем, и чтоб больше никаких глупостей!

– Что вы, мастер, – скромно заметил Сэм, – не захотите же вы уморить и нас, и коней? Мы валимся с ног от усталости, а лошади все в поту. Мастеру нечего и думать выехать до обеда. Лошадь мастера необходимо вычистить. Поглядите только, как она забрызгалась. А Джерри захромал. Миссис, наверно, не отпустит вас до обеда. Боже упаси! Мы нагоним время, обед не повредит нам, а Лиззи никогда не бегала особенно быстро.

Миссис Шельби, с веранды прислушивавшаяся к разговору, решила теперь и со своей стороны принять кое-какие меры. Подойдя к перилам, она вежливо выразила сожаление по поводу постигшей Хеллея беды, настоятельно посоветовала ему остаться к обеду и добавила, что велит немедленно подавать к столу.

Хеллею хоть и с неудовольствием, но оставалось только покориться неизбежному. Он отправился в гостиную, в то время как Сэм за его спиной соорудил невероятную рожу и затем двинулся с лошадьми к конскому двору.

– Видел ты его, Энди? Видел ты его? – затараторил Сэм, привязав к конюшне лошадей. – Ах, господи, это было занятнее, чем на молитвенном собрании! То-то он орал! А бегал, бегал-то как! А потом валялся на траве!.. А руками как размахивал и при этом все время ругался! «Ругайся, ругайся сколько влезет, старина, – говорю я себе. – Тебе все-таки придется подождать, пока я подам тебе лошадь». Господи, Энди, мне мерещится, будто он все еще передо мною!

Сэм и Энди, прислонившись к стене, досыта нахохотались.

– А как он был взбешен, когда я подал ему лошадь! Право же, он охотнее всего убил бы меня, если б только посмел. А я стою перед ним, будто невинный младенец.

– О, я видел тебя! – с восхищением воскликнул Энди. – Ты хитрая голова, Сэм!

– Еще бы! А видел ты миссис у окна? Как она смеялась!

– Я так гонялся за лошадьми, – сознался Энди, – что ничего не видел.

– Знаешь, Энди, – начал Сэм, с крайне серьезным видом принимаясь чистить лошадь Хеллея, – я приобрел привычку наблюдать. Это очень важно, и тебе, мальчик, тоже следовало бы в этом поупражняться, ведь ты еще молод. Приподыми-ка ей заднюю ногу, Энди. Не заметил я разве сегодня, еще с утра, откуда дует ветер? Не увидел я разве, что желает миссис, хоть она ни словечка не сказала? Вот это я называю уметь наблюдать. Это уж, наверно, от природы у человека бывает такая способность. Она не у каждого есть, но следует все-таки упражняться.

– Эге! – усмехнулся Энди. – Однако, если бы сегодня утром я не помог тебе «наблюдать», ты вряд ли придумал бы такую штуку.

– Энди, – сказал Сэм, – ты способный паренек, в этом нет сомнения. Я самого лучшего мнения о тебе и нисколько не стыжусь позаимствовать у тебя хорошую мысль. Ни на кого не следует глядеть сверху вниз, Энди. Ведь даже и самый умный человек может иной раз попасть впросак. Но, знаешь, давай-ка зайдем в дом. Я уверен, что миссис сегодня припасла для нас что-нибудь вкусное.

Глава VII

Любовь матери

Трудно вообразить себе человеческое существо более несчастное и одинокое, чем Элиза с той минуты, как она покинула хижину дяди Тома.

К мыслям о страданиях и опасностях, которым подвергался ее муж, и к страху за ребенка присоединилось смутное чувство ужаса перед тем риском, на который она пошла, покинув дом, где привыкла считать себя родной, и лишившись поддержки женщины, которую любила и почитала. Разлука со всем, что было знакомо и дорого, – с местами, где она росла, с деревьями, в тени которых играла, с рошей, где она в счастливые дни бродила со своим молодым мужем, – все это сейчас причиняло ей особую боль. Образы прошлого, вставая перед ней при неровном мерцании звезд, словно с укоровизной глядели на нее, спрашивая, куда она направляет свои шаги.

Но материнская любовь, доведенная почти до безумия близостью страшной опасности, брала верх над всеми другими чувствами. Мальчик был достаточно велик, чтобы идти с ней рядом. При обычных обстоятельствах она вела бы его за руку, но сейчас ее охватывал трепет при одной мысли о возможности выпустить его из своих объятий, и, все ускоряя шаг, она судорожно прижимала его к груди.

Подмерзшая земля скрипела у нее под ногами. Элиза задрожала, уловив этот звук. Каждый сорвавшийся лист, каждая мелькнувшая тень заставляли кровь волной приливать к сердцу. Она сама дивилась силе, внезапно проснувшейся в ней: с легкостью, будто пушинку, несла она на руках тяжелого ребенка. Каждая новая вспышка страха увеличивала эту сверхъестественную силу и заставляла ее ускорять шаг. Побледневшие губы не переставая шептали: «Господи, помоги мне и спаси!»

О вы, матери, читающие эти строки, если бы это вашего Генри должны были поутру оторвать от вас, если бы вы своими глазами видели грубого и безжалостного торговца, узнали бы, что уже подписан акт о продаже, если бы времени на то, чтобы спастись, у вас оставалось от полуночи до утра, как быстро несли бы вас ваши ноги, сколько миль [10 – Миля – английская путевая мера длины, равная 1609 метрам.] пробежали бы вы за эти короткие часы, прижимая к груди свою драгоценную ношу, чувствуя на плече любимую головку спящего ребенка, а вокруг шеи обвивающие ее маленькие ручонки!..

Мальчик спал. Вначале непривычная обстановка и беспокойство не давали ему уснуть, но мать так настойчиво приказывала ему не разговаривать, сдерживать каждый вздох, так твердо уверяла его, что непременно спасет его, если только он не будет шуметь, что он, успокоившись и положив головку к ней на плечо, уже совсем сонным голосом спросил:

– Мамми, а что, если я усну?

– Спи, любименький мой, спи, если хочешь.

– Но, мамми, ты не отдашь меня тому злому дяде, если я усну?

– Нет, нет, успокойся, детка моя! – прошептала мать, еще больше бледнея.

– Наверное не отдашь, мамми?

– Не отдам, не отдам, – ответила мать, и уверенность, с которой она произнесла эти слова, поразила ее самое: казалось, они были подсказаны ей кем-то другим, какой-то силой, владевшей всем ее существом.

Мальчик снова уронил усталую головку к ней на плечо и вскоре уснул. Прикосновение теплых ручек, легкое дыхание, касавшееся ее затылка, разжигали в ней пламя жизни. Казалось, что каждое движение ребенка вливает во все ее тело неиссякаемый поток энергии.

Кустарник, лес – все это словно в тумане проносилось мимо. Позади, одно за другим, оставались знакомые места, но Элиза не решалась передохнуть, пока на рассвете не вышла на проезжую дорогу. Много миль отделяли ее от родных.

Элиза нередко сопровождала свою госпожу, когда та отправлялась в гости к своим родственникам, проживавшим в городе Т., недалеко от реки Огайо, поэтому она хорошо знала дорогу. Дойти туда, перебраться через Огайо – вот путь, который она наметила в первые минуты. Дальше – полная неизвестность. Надеяться ей было не на кого.

На дороге стали появляться запряженные лошадьми повозки, и Элиза, несмотря на владевшее ею возбуждение, поняла, что ее расстроенное лицо и торопливый шаг могут привлечь к ней внимание и показаться подозрительными. Спустив с рук ребенка, она привела в порядок свою одежду и, взяв мальчика за руку, двинулась дальше, умеряя шаг настолько, чтобы не обращать на себя внимания проезжих. В узелке у нее были завязаны печенье и яблоки. Время от времени она бросала яблоко вперед на дорогу, яблоко катилось несколько шагов, и мальчик бросался за ним вдогонку. Этот прием помог ей преодолеть не одну полумилю.

Несколько времени спустя они поравнялись с небольшой густой рощей, которую пересекал прозрачный ручей. Ребенок пожаловался на голод и жажду. Элиза перебралась с ним через изгородь, уселась позади большой скалы, скрывавшей их от глаз проезжих, и достала из узелка завтрак для мальчика.

Малыш удивился, что она сама ничего не ест. Обхватив ручонкой ее шею, он попытался засунуть ей в рот кусочек пирожка. Но она не в силах была ничего проглотить.

– Нет, нет, родной! Мама не может есть, пока ты не будешь в безопасности!.. Нам нужно идти дальше, все дальше, пока мы не доберемся до реки.

Она снова поспешно выбралась на дорогу и пошла вперед, делая над собою невероятные усилия, чтобы сохранить спокойствие и размеренность движений.

Элиза находилась уже в нескольких милях за пределами тех мест, где ей могли встретиться знакомые. Но если бы ей и встретился кто-нибудь из людей, лично знавших ее, то вряд ли у него могло бы возникнуть подозрение, что она убежала, так как всем было известно хорошее отношение к ней ее хозяев.

Успокаивало Элизу также и то, что она и ребенок были настолько белы, что об их негритянском происхождении можно было догадаться, только пристально взглядевшись в них. Поэтому она надеялась проскользнуть незамеченной.

Именно это обстоятельство придало ей решимости около полудня завернуть в приветливый фермерский домик, чтобы хоть немного отдохнуть и подкрепиться едой.

Пожилая фермерша была, видимо, рада возможности поболтать и приняла на веру заявление беглянки, что она отправляется на неделю погостить к друзьям. «Ах, если бы это была правда!» – думала Элиза.

За час до захода солнца Элиза в полном изнеможении, с израненными ногами, но все еще бодрая духом, достигла городка Т. на Огайо. Первый взгляд ее был обращен к реке, отделявшей ее от земли обетованной.

Уже наступила весна, река вздулась и рвалась вперед. Огромные ледяные глыбы неслись по мутным волнам.

Со стороны Кентукки берег далеко вдавался в воду, а на противоположной стороне, в изгибе реки, лед задерживался и, громоздясь, закрывал весь узкий проток, образуя как бы огромный волнистый движущийся плот, загораживающий всю реку и доходящий почти до самого кентуккийского берега. Элиза на мгновение остановилась и с первого же взгляда оценила всю трудность положения. Ясно было, что паром при таких условиях не ходит. Она направилась к небольшой таверне на берегу, чтобы узнать, как обстоит дело с перевозом.

Хозяйка, занятая приготовлением ужина, сразу же обернулась, услышав печальный и мягкий голос Элизы.

– Нет ли здесь лодки, на которой можно было бы переправиться в Б.? – спросила она.

– Нет, лодки еще не ходят, – ответила женщина.

Отчаяние, отразившееся на лице Элизы, поразило хозяйку.

– Вам необходимо переправиться? – спросила она. – Кто-нибудь заболел? Вы как будто очень волнуетесь?

– У меня там ребенок, он в большой опасности, – проговорила Элиза. – Я узнала об этом только вчера вечером и сегодня прошла пешком большое расстояние, надеясь попасть на паром.

– Какая неудача, – сказала женщина, в которой заговорили материнские чувства. – Мне вас очень жаль!.. Соломон! – крикнула она в окошко в сторону маленького сарайчика, стоявшего во дворе.

В дверях сарая показался человек в кожаном фартуке.

– Скажи-ка, Сол, – обратилась к нему хозяйка, – сосед ведь, кажется, собирался сегодня ночью перевезти на тот берег бочки, не так ли?

– Он сказал, что попытается, если только будет возможно, – ответил Соломон.

– Один человек собирается сегодня ночью, если удастся, переправить на тот берег товар, – пояснила хозяйка. – Он зайдет сюда поужинать. Вам лучше всего подождать его. Какой хорошенький мальчик, – продолжала она, протягивая ему пирожок. Но ребенок, измученный усталостью, в ответ только заплакал.

– Мальчик не привык много ходить, – сказала Элиза. – Он переутомился.

– Внесите его сюда, – проговорила женщина, открывая дверь в маленькую комнату, где стояла удобная кровать.

Элиза уложила усталого ребенка и держала его ручки в своих руках, пока он не заснул. Для нее самой не могло быть покоя. Мысль о преследователях безжалостно гнала ее вперед, и она не могла отвести тоскующих глаз от бурлящих вод, отделявших ее от свободы.

Теперь мы на некоторое время покинем Элизу и обратимся к ее преследователям.

Хотя миссис Шельби и обещала, что обед будет подан немедленно, но ряд причин задержал выполнение этого обещания. Приказание миссис Шельби, данное в присутствии мистера Хеллея, было передано тетушке Хлое по меньшей мере дюжиной юных гонцов, но почтенная повариха только пробормотала что-то нечленораздельное, покачала головой и продолжала выполнять свои обязанности с величайшим спокойствием и тщательностью.

Среди слуг царила уверенность, что миссис не очень-то будет гневаться за промедление, и просто удивительно, сколько неожиданных происшествий сразу же стали замедлять ход дела.

Какой-то незадачливый поваренок пролил подливку, приготовленную к жаркому, другой споткнулся, неся воду, и вынужден был вторично отправиться к водокачке, у третьего из рук выскользнула тарелка с маслом. Время от времени в кухне появлялся какой-нибудь вестник, сообщавший, что Хеллей от нетерпения не в силах усидеть на месте и ежеминутно подбегает к окну или выскакивает в переднюю.

- Так ему и надо! - проворчала тетушка Хлоя.

- Он, наверно, попадет в ад! - воскликнул маленький Джек.

- Он это заслужил, - с гневом проговорила тетушка Хлоя. - Он разбил много, много сердец, и они взывают к мщению. И поверьте, поверьте, он будет наказан!

Все, раскрыв рот, прислушивались к словам тетушки Хлоя. Обед был уже благополучно подан на стол, и в кухне оставалось достаточно времени для разговоров.

- Он вечно будет гореть в аду, не правда ли? - спросил Энди.

- Посмотрел бы я, как он горит! - воскликнул маленький Джек.

- Дети мои! - раздался голос, при звуке которого все вздрогнули. То был голос дяди Тома. Он вошел незамеченным и слышал весь разговор.

- Дети мои, - повторил он. - Вы сами не понимаете, что? говорите. Вечность - страшное слово, страшно даже вообразить ее себе. Вечных мучений нельзя желать ни одному человеческому существу.

- Никому не пожелаем, кроме торговцев людьми, - ответил Энди. - А им это следует пожелать! Они такие негодяи.

- Да разве не восстает против них сама природа! - воскликнула тетушка Хлоя. - Разве они не отрывают младенца от груди матери? Не уводят разве силой маленьких детишек, которые с плачем цепляются за платья своих матерей? Не разлучают они разве мужа с женой? - продолжала она со слезами. - А чувствуют ли они при этом хоть каплю жалости? Пьют себе, курят, будто сделали самое обыкновенное дело. Если черти таких злодеев не заберут себе, то зачем вообще-то черти нужны!

Закрыв лицо клетчатым передником, тетушка Хлоя громко зарыдала.

- Нужно уметь прощать своим врагам, - произнес Том, пытаясь найти для нее, да и для себя утешение.

- Прощать негодяям? - вскрикнула тетюшка Хлоя. - Нет, это мне не под силу!

- Подумай, Хлоя, о том, что делается в душе такого торговца рабами, и радуйся, что ты не похожа на него, - сказал Том. - Я предпочитаю быть тысячу раз проданным, чем отвечать перед своей совестью за поступки, подобные тем, которые совершает этот человек.

Меня очень радует, - продолжал Том, - что наш господин не уехал сегодня утром, как собирался. Мне это было бы больнее, чем то, что он меня продал. Я ведь знаю его с юных лет. Теперь, когда я видел мастера, я готов примириться со своей судьбой. Ведь у него не было другого выхода. Боюсь только, что здесь все развалится, когда меня не будет. Нельзя ожидать, что мастер будет так тщательно следить за всем и смотреть за порядком, как это делал я. Вот это меня беспокоит.

Но тут раздался звонок, и Тома позвали в гостиную.

- Том, - мягко произнес мистер Шельби. - Прошу тебя иметь в виду, что я поручился за тебя и вынужден буду заплатить этому джентльмену тысячу долларов, если тебя не окажется на месте, когда он тебя потребует. Сегодня он будет занят своими делами, и ты свободен на весь день. Отправляйся куда тебе угодно, старина.

- Благодарю вас, сэр, - сказал Том.

- Берегись, - вмешался торговец, - и не пробуй сыграть какую-нибудь из ваших негритянских штучек. Не то я потребую с твоего господина всю неустойку в тысячу долларов до последнего цента. Если б он послушался меня, то не доверял бы ни одному из вас. Все вы готовы ускользнуть, как угри.

- Мастер, - произнес Том, выпрямившись и обращаясь к мистеру Шельби, - мне было ровно восемь лет, когда старая миссис положила мне вас на руки. Вам тогда и году еще не было. И она сказала мне: «Том, он будет твоим молодым хозяином. Береги его хорошенько». И вот теперь я спрашиваю вас, мастер: разве я когда-нибудь не сдержал своего слова или отказал в повинности?

Мистер Шельби растрогался, слезы навернулись у него на глазах.

- Дорогой мой, - произнес он. - Ты говоришь чистую правду, и будь я в силах хоть что-нибудь изменить, я не продал бы тебя ни за что на свете.

- И клянусь тебе, - добавила миссис Шельби, - мы выкупим тебя, как только мне удастся раздобыть необходимые средства. Мистер Хеллей, - обратилась она к торговцу, - не забудьте написать мне, кому вы его продали.

- Охотно сделаю это, - сказал Хеллей. - Кто знает, может быть, я уже через год привезу его вам обратно. Будем надеяться, что он будет не слишком изнурен работой и еще пригодится вам.

- Вы не окажетесь в убытке, - произнесла миссис Шельби.

– Разумеется, – ответил Хеллей. – Я с одинаковым удовольствием продаю свой товар на Юг и на Север. Не все ли мне равно, куда везти их – вверх или вниз по реке, лишь бы заработать. Наш брат, мадам, ведь хочет жить, как и всякий другой.

Мистер и миссис Шельби в глубине души были возмущены такой наглой фамильярностью работарговца, но оба они отдавали себе отчет в необходимости сдерживаться. Чем больше он проявлял бессердечия и эгоизма, тем острее становились опасения миссис Шельби за судьбу Элизы и ребенка, если работарговцу удастся догнать их. Поэтому миссис Шельби готова была пустить в ход любую из женских уловок, она соглашалась с ним, весело болтала – делала все, что было в ее силах, чтобы время для него проходило незаметно.

В два часа Сэм и Энди подвели к крыльцу лошадей, которым, судя по их бодрому и свежему виду, утренняя пробежка пошла на пользу. Сэм после обеда был преисполнен невероятным рвением и усердием. Как только Хеллей приблизился к нему, он, обернувшись к Энди, принялся хвастать, что стоит ему только взять дело хорошенько в свои руки, и успех будет обеспечен.

– Разве у вашего господина нет собак? – спросил Хеллей, собираясь сесть на лошадь.

– Как же! Много собак! – торжествуя, воскликнул Сэм. – Поглядите, вон Бруно, он здорово лает. Кроме того, почти каждый из наших негров держит собаку, кто какую.

Хеллей грубо выругался.

– Но ваш господин не держит собак для охоты на негров! – сказал он презрительно. – Уверен, что не держит!

Сэм прекрасно понял, что? именно Хеллей имеет в виду, но ответил с самым глупым видом:

– У всех наших собак прекрасное чутье; по-моему, это как раз такие, как надо. Только им не приходилось участвовать в такой охоте. Они все могут найти, стоит им только дать волю. Бруно, сюда! – И он свистом подозвал тяжеловесного водолаза, который, неуклюже подпрыгивая, бросился к нему.

– Иди ты к черту! – выругался Хеллей, поднимаясь в седло. – Садись наконец на лошадь.

Сэм подчинился приказанию, но при этом успел щекотнуть Энди, так что тот громко захохотал.

Этот неуместный смех так возмутил Хеллея, что он замахнулся на парня хлыстом.

– Садись, Энди, – произнес Сэм с важностью. – Дело серьезное. Не шути. Не так должны мы помогать мастеру.

– Я поеду прямо к реке, – решительно сказал Хеллей, когда они достигли границы плантации. – Я знаю их повадку: все они устремляются в Канаду.

- Верно, верно, - подтвердил Сэм. - Это правильно. Мастер Хеллей попал в самую точку. Но штука в том, что к реке ведут две дороги: проезжая и обыкновенная, лесная. По какой из них мастер желает ехать?

Энди с самым невинным видом взглянул на Сэма: он был поражен этим новым открытием в географии. Все же он с горячностью подтвердил слова Сэма, без конца повторяя версию о двух дорогах.

- Мне так думается, - продолжал Сэм, - что Лиззи выбрала лесную дорогу: по ней меньше народу ходит.

Хеллей был, правда, хитрой старой лисой и склонен к недоверчивости, все же довод Сэма показался ему убедительным.

- Если б только вы оба не были такими гнусными лгунами... - пробормотал он в раздумье.

Эти слова ужасно рассмешили Энди. Он немного отстал и так затрясся от хохота, что чуть не свалился с лошади. Зато лицо Сэма оставалось невозмутимо серьезным.

- Мастер, разумеется, может поступать, как ему будет угодно, - снова заговорил Сэм. - Он может выбрать ту дорогу, которую он считает лучшей, наше дело - сторона. А может быть, все же лучше ехать по большой дороге?

- Она, конечно, избрала самую безлюдную дорогу, - вслух размышлял Хеллей, не обращая внимания на замечания Сэма.

- В этом вовсе нельзя быть уверенным, - заметил Сэм. - Женщины всегда все делают по-своему. Они обычно поступают как раз наперекор тому, что нам кажется правильным. Предположишь, что она пошла по одной дороге, на самом же деле она отправилась по другой. По-моему, Лиззи пошла по дороге через болото, поэтому я советую ехать по проезжей.

Это глубокомысленное замечание относительно слабого пола, по-видимому, не склонило Хеллея к выбору большой дороги. Он решил ехать по дороге через болото и спросил Сэма, когда они на нее выедут.

- Немножечко дальше, - ответил Сэм, подмигивая Энди. - Но я все обдумал, - добавил он очень серьезным тоном. - По-моему, мы напрасно решили ехать по этой дороге. Я никогда по ней не ходил, там не встретишь живой души; мы можем заблудиться и неизвестно куда в конце концов попадем.

- И все-таки я поеду именно по этой дороге, - объявил Хеллей.

- Я сейчас только вспомнил: мне говорили, что внизу у ручья сейчас нет проезда. Не так ли, Энди?

Энди не был в этом уверен. Он только слышал об этой дороге, сам же никогда по ней не ходил. Одним словом, он ни за что не отвечает.

Хеллей, считавший, что негры способны только лгать, имел обыкновение учитывать лишь бо?льшую или меньшую вероятность какого-нибудь утверждения. По его мнению, все говорило в пользу дороги, идущей через болото. Он полагал, что Сэм необдуманно сболтнул о ней сначала и сейчас всеми силами пытается отговорить его, чтобы не подвергать Элизу опасности.

Поэтому сразу, как только Сэм указал ему начало тропинки, Хеллей, не раздумывая, поехал по ней. Сэм и Энди последовали за ним.

Это и в самом деле была старая дорога, ведущая к реке, но уже много лет, после прокладки новой проезжей дороги, совершенно заброшенная. Примерно с час по ней можно было беспрепятственно ехать верхом, но дальше она была перегорожена заборами и изгородями. Сэму это было отлично известно, и он ехал, сохраняя на своем лице невозмутимое спокойствие. Энди же изредка охал и стонал, жалуясь, что дорога чересчур ухабистая и опасная для больной ноги Джерри.

– Вот что, – сказал наконец Хеллей. – Я вас хорошо знаю, и вы вашей болтовней не заставите меня отказаться от этой дороги. Поэтому – замолчать!

– Мастер вправе приказывать, – с жалостной покорностью проговорил Сэм. При этом он, однако, снова подмигнул Энди.

Сэм был в превосходном настроении. Он хвастал своим отличным зрением, ежеминутно оглядываясь по сторонам. Временами он вскрикивал, уверяя, что видит женскую шляпу на верхушке дальнего холма, или спрашивал Энди, не кажется ли ему, что это Лиззи пробирается вон там, в глубине долины. Все эти замечания он делал именно тогда, когда дорога была особенно трудна и когда нельзя было гнать лошадей. Таким способом ему удавалось держать Хеллея в состоянии непрерывного напряжения.

Они ехали уже около часа, как вдруг дорога, спускаясь под уклон, уперлась в хозяйственный двор какой-то большой фермы. Кругом не видно было ни души: все рабочие, по-видимому, находились в поле. Но так как сарай стоял как раз поперек дороги, не подлежало сомнению, что ехать дальше в этом направлении было невозможно.

– Не говорил ли я раньше, что так будет? – произнес Сэм с видом оскорбленной невинности. – Как же приедем господину лучше знать местность, чем человеку, который здесь родился и вырос!

– Негодяй! – крикнул Хеллей. – Ты это отлично знал!

– Да разве я не говорил, что знаю? – обиженно спросил Сэм. – Но вы не хотели мне верить. Я говорил мастеру, что дорога перегорожена и нам будет не проехать. Энди слышал, что я говорил.

Это трудно было оспаривать, и несчастному работоторговцу оставалось только подавить кипевшее в нем бешенство. И все трое, сделав крутой поворот, поехали в сторону большой дороги.

Из-за всех этих промедлений преследователи добрались до поселка со значительным опозданием. Мальчик Элизы уже минут сорок как крепко спал, когда Хеллей со своими спутниками подъехал к таверне.

Элиза, стоявшая у окна, глядела в противоположную сторону, но зоркие глаза Сэма издали заметили ее. Хеллей и Энди отстали на несколько шагов. Минута была критическая. Но Сэм умудрился устроить так, что ветер сорвал с его головы шляпу. Он пронзительно вскрикнул, и крик этот привлек внимание Элизы. Она поспешно отступила в глубь комнаты, в то время как всадники пронесли мимо окна и осадили своих коней у входа у харчевню.

Элиза, казалось, в это мгновение пережила тысячу жизней. Дверь из ее комнаты вела к реке. Схватив ребенка на руки, она бросилась вниз по ступенькам, ведущим к воде.

Хеллей заметил ее в то самое мгновение, когда она исчезла в прибрежных кустах. Он соскочил с лошади и, крикнув Сэму и Энди, чтобы они следовали за ним, бросился за беглянкой, как охотничья собака в погоне за дичью.

Ноги Элизы словно не касались земли. В одно мгновение она очутилась у самой воды. Хеллей преследовал ее по пятам. Но воодушевленная порывом, овладевающим человеком только в минуту страшного отчаяния, она, дико вскрикнув, перескочила через мутный поток, отделявший лед от берега, и очутилась на ближайшей льдине. Это был невероятный прыжок, возможный только в порыве безумия или отчаяния.

Хеллей, Сэм и Энди инстинктивно вскрикнули, когда она прыгнула.

Большая зеленая льдина покачнулась и затрещала под ее тяжестью, но она ни на мгновение не остановилась. Все с тем же диким криком, напрягая все силы, она продолжала свой путь, перепрыгивая со льдины на льдину.

Спотыкаясь, делая страшные прыжки, скользя и снова подымаясь, она несется дальше и дальше... Она теряет башмак... Чулки свисают клочьями, кровавые следы отмечают каждый ее шаг, но она ничего не видит, не чувствует... Наконец, будто в туманном сне, она различает перед собой берег, какой-то человек спешит ей навстречу и помогает подняться по откосу...

– Ты смелая девушка, кто бы ты ни была! – вскрикнув от удивления, проговорил неизвестный.

Элиза взглянула на него и узнала знакомого фермера.

– О мистер Саймс, спасите меня, умоляю вас, спасите, спрячьте меня! – воскликнула Элиза.

– Как? Что я вижу? Да ведь это служанка Шельби!

– Мой сын... этот мальчик... его продали. Вон там стоит его хозяин, – показывая на противоположный берег, проговорила Элиза. – О мистер Саймс, ведь у вас самого есть мальчик!..

– Да, есть, – сказал Саймс, с грубоватой ласковостью помогая ей взобраться на берег. – Но, кроме того, ты храбрая девчонка, а я ценю смелость, где бы я ее ни встречал.

Поднявшись на откос, Саймс остановился.

– Я охотно бы помог тебе, – сказал он, – но я не знаю, куда мне тебя деть. Самое большее, что я могу сделать, это посоветовать тебе: пойди туда. – Он указал ей на большой белый дом, расположенный несколько в стороне от главной улицы поселка. – Пойди туда. Люди там хорошие, и они помогут тебе, у них есть опыт в таких делах.

– Благодарю, благодарю вас! – с глубоким чувством сказала Элиза. Прижав к груди ребенка, быстрыми, твердыми шагами она двинулась дальше.

Саймс поглядел ей вслед.

«Ну, Шельби, пожалуй, не сочтет это за добрососедскую услугу, – подумал он. – Что ж, если ему когда-нибудь при подобных же обстоятельствах попадется какая-нибудь из моих негритянок, пусть оплатит мне той же монетой. Я не буду в претензии. И почему это я обязан заниматься ловлей чужих невольников?»

Так рассуждал этот небогатый житель Кентукки, плохо осведомленный о законах своей страны. Но именно эта неосведомленность и заставляла его поступать так, как подобает благородному человеку. Знай он несколько лучше американские законы, он, вероятно, поступил бы иначе.

Ошеломленный, стоял Хеллей и смотрел, пока Элиза не исчезла из виду, достигнув противоположного берега. Тогда только он с растерянным видом повернулся к Сэму и Энди.

– Вот так история! – молвил Сэм.

– В этой девке сидит дьявол! – злобно крикнул Хеллей. – Она прыгала, как дикая кошка!

– Н-да, – протянул Сэм, почесывая голову, – надеюсь, мастер не заставит нас переправляться по этой дороге. Боюсь, у меня не хватит ловкости. – Сэм весело хихикнул.

– Смеешься?! – прошипел Хеллей.

– Да простит меня бог, мастер, – сказал Сэм, давая наконец волю своей долго скрываемой радости. – Не могу удержаться от смеха. Так потешно было глядеть, как она скачет, – лед трещит, а она перепрыгивает с одной льдины на другую: плум... бум... хлоп!.. Господи, какие прыжки!..

Сэм и Энди захохотали так, что слезы ручьем текли у них по щекам.

– Я научу вас смеяться по-другому! – завопил Хеллей, и хлыст его засвистел над их головами.

Оба присели, спасаясь от ударов, затем с криком бросились вдоль берега и вскочили на лошадей раньше, чем он успел их догнать.

– До свиданья, мастер! – крикнул Сэм с самым серьезным видом. – Боюсь, что миссис будет беспокоиться о Джерри. Мастеру Хеллею мы все равно сегодня уже не понадобится. Да миссис и не позволила бы, чтобы мы с нашими конями переправлялись по «Элизиному мосту»!

Толкнув Энди в бок, Сэм пустил лошадь рысью. Энди последовал за ним.

Глава VIII

Погоня

Смеркалось, когда Элиза достигла противоположного берега. Густой вечерний туман, поднявшийся над рекой, укрыл ее от глаз преследователей, а вздувшийся поток с громогрящими друг на друга льдинами образовал между нею и ее преследователями непреодолимую преграду.

Хеллей, раздосадованный, медленно вернулся в корчму, чтобы обдумать свои дальнейшие шаги. Хозяйка провела его наверх и открыла перед ним дверь маленькой комнаты, в которой стояли покрытый блестящей черной клеенкой стол и несколько стульев с прямыми ножками и высокими узкими спинками. На полу лежал старый, потертый ковер. На выступе камина, в котором тлели сырые поленья, красовались ярко раскрашенные гипсовые фигурки, а длинная деревянная скамья стояла перед самым очагом. Хеллей опустился на скамью и предался размышлениям о бренности человеческих надежд и непостоянстве человеческого счастья вообще.

– Хотел бы я знать, – ругал он самого себя, – зачем мне вообще понадобился этот паршивый мальчишка? Ради него я, как лиса, полез в капкан, чтоб меня черт побрал!

Хеллей постарался излить свою душу в самых изощренных проклятьях и ругательствах по собственному адресу, которые мы, несмотря на наше согласие с ним, не можем по известным соображениям воспроизвести здесь.

От этого занятия его отвлек неблагозвучный голос человека, который, по-видимому, слезал с лошади у дверей корчмы. Хеллей бросился к окну.

– Клянусь честью, можно подумать, что само так называемое провидение пришло мне на помощь! – воскликнул он. – Ей-богу, это Том Локер! – С этими словами он поспешил спуститься вниз.

У стойки в углу комнаты стоял плотный, мускулистый человек, ростом в добрых шесть футов и соответственной толщины. На нем была куртка из буйволово́й кожи шерстью наружу, что придавало его внешности нечто звериное и вполне подходило к свирепому выражению его лица.

В каждой черте этого лица сквозили грубость, необузданность и жестокость. Читателю достаточно вообразить себе волкодава в куртке и шляпе, чтобы получить ясное представление о внешности Тома Локера.

Его спутник совершенно не походил на него. Это был маленький человечек с ловкими и вкрадчивыми кошачьими движениями. Его черные колючие глазки как будто постоянно высматривали мышшь; такое же выражение застыло в заостренных чертах его лица. Длинный тонкий нос был так далеко вытянут вперед, словно стремился проникнуть в сущность всего происходящего вокруг. Жидкие прямые черные волосы были гладко зачесаны назад. Вся его манера держаться выражала хитрость и осторожность.

Высокий человек налил себе полный пивной бокал водки и молча опрокинул его в рот. Маленький человечек, вытянувшись на носках и наклоня голову то вправо, то влево, как будто приюхивался к выстроенным на стойке бутылкам. Наконец, словно все тщательно взвесив, тоненьким, дрожащим голоском он заказал стакан мятного сиропа.

Когда ему подали заказанное, он приподнял стакан, с удовольствием посмотрел его на свет и опорожнил маленькими, медленными глотками.

– Вот это называется удачей! – произнес Хеллей, подойдя к широкоплечему человеку и протягивая ему руку. – Как поживаете, Локер?

– Черт! – прозвучал учтивый ответ. – Как вас сюда занесло?

Человек с настороженным взглядом, которого звали Мэркс, вытянув шею, уставился на пришельца с тем любопытством, с каким кошка подчас следит за сухим листком.

– Послушайте, Локер, лучшего я бы и пожелать не мог, – сказал Хеллей. – Я попал в гнусную переделку. Вы должны помочь мне выпутаться.

– Разумеется! – прохрипел Локер. – Когда вы радуетесь встрече с кем-нибудь, можно быть уверенным, что этот человек вам зачем-нибудь понадобился. В чем же дело?

– С вами, приятель, вероятно, ваш компаньон? – недоверчиво протянул Хеллей.

– Вы угадали. Эй, Мэркс! С этим человеком я вместе работал в Нахчеце.

– Рад познакомиться, – произнес Мэркс, протягивая свою длинную сухую руку, похожую на воронью лапу. – Мистер Хеллей, не правда ли?

– Я самый. Но вот что, джентльмены, раз уж судьба так счастливо свела нас, поговорим о делах. Пройдемте в ту комнату... Эй ты, старьёк! – крикнул он человеку за стойкой. – Подай нам горячей воды, сахару, сигар и добрую меру «чистого», мы подкрепимся и побеседуем.

Когда были зажжены свечи, а в очаге вспыхнул и разгорелся хворост, три достойных приятеля уселись за стол, уставленный всем, что было заказано и что так располагает к дружеской беседе. Хеллей взволнованным тоном изложил всю историю своих злоключений.

Локер слушал его, хмурясь, в мрачном молчании, а Мэркс деловито приготавливал себе пунш по вкусу; время от времени он поднимал глаза на говорившего и своим остреньким носом и подбородком чуть не тыкался в лицо Хеллея, явно уделяя рассказу самое пристальное внимание. Конец повествования, по-видимому, показался ему необычайно забавным, и тонкие губы его искривились в улыбке, выражавшей величайшее внутреннее удовлетворение.

– Значит, в самом деле провела вас? – пропищал он. – Хи-хи-хи! Здорово вы влипли!..

– Торговля детьми, – жалобно проговорил Хеллей, – в нашем деле причиняет одно беспокойство.

– Если б удалось вывести такую породу женщин, которые не беспокоились бы о своих детенышах, это было бы величайшим изобретением цивилизации, – сказал Мэркс, хихикнув про себя.

- Удивительное дело, - заметил Хеллей, - никогда я этого не мог понять. Ребята доставляют им одни лишь заботы и муки, казалось бы, они должны радоваться возможности от них избавиться. Но ничего подобного: чем больше ребенок причиняет им хлопот, чем меньше от него пользы, тем он им дороже.

- Мистер Хеллей, передайте мне, пожалуйста, кипяток, - сказал Мэркс. - Да, джентльмен, - продолжал он, - вы повторяете сейчас то, о чем я много раз думал сам, о чем мы все думали. Однажды, когда я еще занимался этими делами, я купил женщину, здоровую, крепкую, работающую. У нее был сынишка - хилый такой, болезненный, горбатый, кривобокий. Я подарил его одному человеку, который надеялся хоть что-нибудь заработать на нем, так как он достался ему даром. Вы и вообразить себе не можете, как отнеслась к этому мать горбуна! Видели бы вы ее только, господи боже мой! Мне, право, кажется, что она еще сильнее любила его именно за то, что он был больной и терзал ее. Она вела себя как помешанная, кричала, плакала, бегала, искала его, словно потеряла всех друзей. Просто странно! Не поймешь этих женщин!..

- Да и со мной произошло однажды нечто подобное, - сказал Хеллей. - Прошлым летом в низовьях Красной реки я купил женщину с довольно милым ребенком. Глазенки у него были такие же ясные, как ваши. Но, разглядев его поближе, я убедился, что у него на глазах бельма. Слепой, понимаете? Ясно, что его невозможно было пустить в продажу. Не говоря худого слова, я променял его на бочонок виски. Но когда его стали отбирать у матери, она превратилась в настоящую тигрицу! Мы стояли еще на якоре. Негры не были закованы. Она, как кошка, вскарабкалась на тук хлопка, схватила нож, и, клянусь вам, на одну минуту все отступили. Но вскоре она поняла, что сопротивление бесполезно. Тогда она повернулась и, не выпуская из рук ребенка, бросилась в реку. Она пошла ко дну и больше не выплыла.

- Чушь! - пробурчал Том Локер, выслушавший обоих с презрением, которого он и не пытался скрыть. - Оба вы просто не умеете взяться за дело. Мои девки мне такого представления не устраивают, могу вас уверить.

- В самом деле? Как же вы этого достигаете? - с интересом спросил Мэркс.

- Как достигаю? Да очень просто. Когда я покупаю женщину с ребенком и ребенок предназначен к продаже, я иду к ней, подношу к самому лицу ее кулак и говорю: «Если ты хоть пикнешь, я выбью тебе все зубы. Я не желаю слышать ни слова, ни единого звука! Этот ребенок принадлежит мне, а не тебе. Тебе до него нет никакого дела. Я продам его, как только представится случай, и слышишь: чтоб ты не поднимала шуму, не то лучше бы тебе не родиться!» Они быстро начинают понимать, что со мной шутки плохи, будьте уверены! Они у меня молчат как рыбы. А уж если которая-нибудь из них заревет... тогда... - И Локер так ударил кулаком по столу, что собеседники без слов поняли его.

- Вот это красноречие так красноречие, - протянул Мэркс, хихикая и толкая своего приятеля в бок. - Ну, не потешный ли парень этот Том Локер? Хи-хи-хи!.. Знаете, Том, вы способны вбить в их курчавые головы настоящее понимание вещей, им не приходится сомневаться в смысле ваших слов. Если вы не дьявол собственной персоной, то уж, во всяком случае, его родной брат. За это я готов поручиться!

Том принял этот комплимент с подобающей скромностью и соорудил самую любезную физиономию, какая была мыслима при его характере.

Хеллей, который уже довольно много выпил, почувствовал вдруг пробуждение какого-то неожиданного мягкосердечия, что у людей его склада случается иногда после достаточно обильных возлияний.

- Вы, право, иногда хватаете через край, Том Локер! - сказал он. - Помните, я ведь не раз убеждал вас тогда в Нахчеце, что мы зарабатывали бы столько же и жилось бы нам на этом свете не хуже, если б мы помягче обращались с неграми, к тому же у нас оставались бы кое-какие шансы попасть в царствие небесное в тот час, когда прах возвращается праху...

- К черту! - крикнул Том. - Прекратите эту болтовню. Меня мутит от таких глупостей. У меня желудок и без того не совсем в порядке. - И Том налил себе полный стакан водки.

Но Хеллей, откинувшись на спинку стула, продолжал, сопровождая свою речь выразительными жестами:

- Я говорю и всегда говорил, что веду свою торговлю так, чтобы, во-первых, заработать денег не меньше других. Но торговля, дела - это еще не все. У человека есть душа. Вы слышали, что говорят по этому поводу священники?.. Вот я и решил: когда я сколочу приличный капиталец, я позабочусь о своей душе. Так зачем же мне творить больше зла, чем необходимо? По-моему, это просто нерасчетливо.

- Заботиться о своей душе! - презрительно повторил Том. - Долго вам придется искать, чтоб обнаружить эту самую душу. Не тратьте даром труда. Сам черт у вас никакой души не найдет, даже если протрет вас сквозь сито.

- Не к чему вам так грубить, Том! - успокоительно произнес Мэркс. - Чего вы кипятитесь, когда человек желает вам только добра.

- Заткни наконец глотку! - хмуро буркнул Том. - Все я способен снести, кроме такой благочестивой болтовни. Сдохнуть я от нее способен! В чем, собственно, разница между нами? Не в том, конечно, что в вас, Хеллей, есть крупинка жалости; это не жалость, а одна подлость, вы просто надеетесь обмануть черта и спасти вашу шкуру. Я вижу вас насквозь. А что касается вашего так называемого благочестия, так, по-моему, это просто обман: человек всю жизнь накапливает у черта счет, а когда наступит день расплаты, пытается сбежать.

- Спокойнее, джентльмены, так не делаются дела, - пропищал Мэркс. - Сами знаете: каждый по-своему смотрит на вещи. Хеллей, как всем известно, человек осторожный, у него особого сорта совесть, а у вас, Том, - у вас свой способ действия, прекраснейший способ. Но ссориться, право же, совсем бесполезно. Перейдем лучше к делу. Итак, мистер Хеллей, вы хотите поручить нам поимку этой женщины?

- Мне никакого дела нет до этой женщины, она принадлежит Шельби. Мне принадлежит только мальчишка. И глупцом я был, что купил эту обезьянку.

- Вы всегда глупец, - буркнул Том Локер.

- Тише, Локер! - елеинным голосом заговорил Мэркс. - Сегодня эти грубости ни к чему. Вы ведь видите, что мистер Хеллей хочет дать нам заработать. Помолчите немного. Заключение условия - это уж дело мое. Как выглядит эта женщина, мистер Хеллей? Что она собой представляет?

- Кожа у нее белая, и она очень красива. Воспитание получила хорошее. Я готов был дать Шельби за нее восемьсот, даже тысячу долларов и еще здорово бы на ней заработал.

- Белая, красивая и хорошо воспитана! - воскликнул Мэркс, все лицо которого вспыхнуло в ожидании наживы. - Локер, тут есть ради чего поработать! Мы поймаем ее! Мальчишку, разумеется, отдадим мистеру Хеллею, а ее отвезем на продажу в Новый Орлеан. Что вы на это скажете?

Локер слушал, раскрыв рот. Дослушав до конца, он стиснул челюсти, как собака, ухватившая брошенный кусок говядины, и несколько минут, казалось, медленно переваривал поданную ему мысль.

- Видите ли, - сказал Мэркс, обращаясь к Хеллею. - Всюду на том берегу у нас есть судьи, которые за недорогую плату помогают нам во всех случаях, когда может понадобиться их помощь. Том берет на себя грубую часть работы, а я - тонкую. Я появляюсь, отлично одетый, в блестящих ботфортах - все самого лучшего качества, появляюсь именно тогда, когда дело доходит до присяги. Вы бы только поглядели, - продолжал Мэркс, гордый своими подвигами, - в каких разнообразных ролях я выступаю! Один раз я - мистер Твикен из Нового Орлеана, в другой раз я только что приехал со своей плантации на реке Жемчужной, где у меня работает семьсот негров. Иногда я выступаю в качестве дальнего родственника Генри Клея, а не то изображаю старого помещика из Кентукки. У каждого свои способности. Том - дьявольский парень, когда нужно драться, но врать он не умеет, у него получается как-то ненатурально. Зато, клянусь своей душой, нигде вы не найдете такого мастера, который готов присягнуть в чем только угодно, как ваш покорный слуга. Если такой найдется, хотел бы я на него поглядеть! Мне кажется, я мог бы довернуться до успеха даже в том случае, если бы судьи по-настоящему искали правды! Сквозь любые трудности я проползу, как змея. Мне бы подчас даже приятнее было, если б судьи действительно старались повнимательнее разобраться в деле: было бы интереснее, знаете, их обмануть.

Но тут Том Локер, в голове которого мысли ворочались медленно, прервал красноречие Мэркса, с такой силой ударив кулаком по столу, что все стоящее на нем задребезжало.

- Дело подходящее! - рявкнул он.

- Что вы, что вы! Зачем же бить посуду, Том! - воскликнул Мэркс. - Берегите ваши кулаки для более подходящего случая.

- Но, джентльмены, - проговорил Хеллей, - разве я не буду участником прибыли?

- А разве не хватит с вас того, что мы изловим вам мальчишку? - сказал Том Локер. - Что вам еще надо?

- Но раз возможность заработать указал вам я, должен же и я за это получить, скажем... ну, хоть десять процентов вырученной суммы после вычета расходов?

- Как же, как же! - заорал Локер и со страшным проклятием снова ударил кулаком по столу. - На вас это похоже, Дэниель Хеллей! Не думайте только, что вам удастся окрутить меня вокруг пальца. Не воображаете ли вы, что мы с Мэрксом занялись охотой на беглых негров ради того, чтобы оказывать любезности таким джентльменам, как вы, а самим оставаться ни с чем? Нет, не рассчитывайте! Женщина принадлежит нам, а вы держите язык за зубами, не то мы захватим обоих, - кто нам может помешать? Вы навели нас на след.

Теперь мы выследим дичь сами. Если же вы или Шельби вздумаете вмешиваться... Попробуйте, суньтесь!..

- Пусть будет так, - с беспокойством проговорил Хеллей. - Значит, решено. Вы поймаете мальчишку, это будет моя доля. Вы всегда поступали со мной честно и держали слово.

- Это вам хорошо известно, - сказал Том более миролюбиво. - Не терплю благочестивой болтовни, но не солгу даже самому черту. Уж если я обещаю, то обещание свое держу крепко.

- Конечно, конечно, Том. Я так и сказал, - робко пролепетал Хеллей. - И если только вы обещаете мне изловить мальчишку и через неделю доставить в такое место, которое вы сами назначите, то большего я и не требую.

- Но я требую большего, - сказал Том. - Не думайте, что я ничему не научился, работая с вами там, на Юге, в Нахчеце. Я научился способу удержать в руках угря, когда схватишь его. Если вы не выложите на стол пятьдесят долларов чистоганом, вы и мальчишки не увидите!

- Как? Я доставляю вам дело, на котором вы наживете от тысячи до тысячи шестисот долларов, и вы... У вас слишком большой аппетит, Том.

- У нас есть дела, которые могут занять все наше время на пять недель вперед... Мы откажемся от них, пустимся в погоню за вашим мальчишкой и в конце концов вдруг не поймает эту девку - в женщинах ведь подчас кроется сатана... Что тогда? Заплатите вы нам тогда хоть цент? Хотел бы я видеть, как заплатите! Нет, выкладывайте пятьдесят долларов, и больше никаких! Если дело удастся и оно окажется сто?ящим, я вам ваши деньги верну, если нет - это будет плата за наши труды. Разве это не справедливо, Мэркс?

- Разумеется, разумеется, - примирительно произнес Мэркс, - это только аванс на необходимые расходы... Хи-хи-хи... Ведь мы, судейские, знаете, мы очень добры, очень покладисты, очень уступчивы. Знаете что? Том доставит вам ребенка, куда только вы пожелаете... Не правда ли, Том?

- Если я найду его, то отвезу к Грени Бельхер, у пристани, - буркнул Том.

Мэркс вытащил из бумажника какой-то длинный список. Он сел и, внимательно глядя на него своими острыми черными глазками, принялся читать вполголоса:

- «Бэрнс - графство Шельби... юноша Джим, триста долларов за него, живого или мертвого. Эдвардс, Дик и Люси - муж и жена, шестьсот долларов... Девка Полли и двое ее ребят, шестьсот долларов за нее или за ее голову». Я проверяю наши дела, чтобы убедиться, можем ли мы помочь мистеру Хеллею, Том. Мы вынуждены будем некоторые из тех дел передать Адамсу и Шпрингеру, ведь побег зарегистрированы давно.

- Они слишком много сдерут, - сказал Том Локер.

- Это предоставьте уж мне, - пропищал Мэркс. - Они в этих делах - начинающие и должны работать дешево. С тремя из списка справиться несложно: с ними возиться не придется - пристрелить или присягнуть, что они пристрелены, это не так уж дорого стоит. Остальные дела, - продолжал он, складывая бумагу, - можно еще на некоторое время отложить. А теперь подробнее ознакомимся с обстоятельствами. Видели ли вы, мистер Хеллей, как женщина ступила на берег?

- Так же ясно, как я вижу вас.

- И видели, что какой-то человек помог ей взобраться наверх? - спросил Локер.

- Да, и это видел.

- Кто-нибудь, должно быть, дал ей пристанище, - задумчиво протянул Мэркс. - Но кто? Вот в чем вопрос. Какого вы мнения, Том?

- Нам необходимо сегодня же ночью перебраться через реку, - ответил Том.

- Но поблизости нет лодок. Лед несется со страшной силой. Разве это не опасно, Том?

- Не знаю. Но переправиться необходимо, - повторил Том решительно.

- Господи милосердный, - со вздохом сказал Мэркс, - темно, как в пасти у волка, и затем, Том...

- Коротко и ясно: вы трусили, Мэркс? Но ничего не поделаешь, вам придется пуститься в путь. Или не желаете ли вы провалиться здесь несколько дней, а женщину за это время тайно переправят в Сандуски?

- Да нет, Том, я не боюсь, - ответил Мэркс, - только...

- Только?.. - переспросил Том.

- Но лодка? Вы же сами видите, что лодок нет.

- Хозяйка говорила, что сегодня вечером здесь будет лодка. Какой-то человек собирается переправиться. Пусть лодка трещит или ломается, но мы должны ехать.

- Надеюсь, у вас добрые псы? - осведомился Хеллей.

- Лучшие на всем свете, - сказал Мэркс. - Да что толку: у вас ведь нет ничего, что принадлежало женщине и что можно было бы дать им понюхать.

- Нет, есть! - обрадованно прервал его Хеллей. - Вот ее платок, она второпях оставила его на кровати. И шляпа ее тоже здесь.

- Это удача! - воскликнул Том. - Дайте сюда эти вещи.

- Но ведь собаки могут искушать женщину, если неожиданно наскочат на нее, - с беспокойством заметил Хеллей.

- Да, это нужно хорошенько обдумать, - согласился Мэркс. - Наши собаки однажды на Юге чуть не разорвали в клочья одного парня раньше, чем мы успели отнять его.

- Вот видите, когда главная ценность товара в его красивой внешности, собаки не годятся, - произнес Хеллей.

- Правильно, - сказал Мэркс. - К тому же возможно, что она нашла где-нибудь приют. И тогда тоже нельзя пользоваться собаками. В тех случаях, когда негров увозят на повозках, собакам трудно нащупать след. Они пригодны только на южных плантациях. Там чернокожие, скрываясь, вынуждены передвигаться пешком.

- Эй вы! - крикнул Локер, который успел спуститься вниз, чтобы навести справки. - Человек с лодкой прибыл! Итак, скорей собирайся, Мэркс!

Достойный приятель Тома Локера с грустью оглядел удобную комнату, с которой ему приходилось расставаться. Прощаясь, он бросил Хеллею несколько слов, после которых тот с явной неохотой передал ему пятьдесят долларов. Вслед за этим почтенная тройца рассталась.

Возможно, что некоторые из наших соотечественников, люди благовоспитанные и цивилизованные, осудят нас на то, что мы ввели их в такую компанию, но пусть они постараются отделаться от предрассудков.

Охота на негров – да будет нам позволено напомнить об этом – постепенно превращается не только во вполне легальную профессию, но считается даже проявлением «патриотизма». Если обширный край, заключенный между Миссисипи и Тихим океаном, будет и дальше оставаться главным центром торговли людьми, если рабство будет развиваться с той же быстротой, с какой развивается в наш век и все остальное, охотник за неграми и работороговец имеют полное основание вскоре рассчитывать на почетное место в рядах американской аристократии.

В то время как в трактире разыгрывалась описанная сцена, Сэм и Энди весело продолжали свой путь.

Восторг Сэма дошел до крайних пределов, и он выражал свое торжество дикими криками и гримасами. Он то поворачивался задом наперед, лицом к хвосту своего коня, то с гиком пересаживался обратно, не преминув при этом перекувырнуться и совершить какой-то невероятный прыжок. Затем, вдруг вытянувшись и приняв торжественный вид, начинал в самых патетических выражениях укорять Энди за то, что он дурачится и не умеет вести себя серьезно.

Несмотря, однако, на все эти шутки, Сэм не позволял лошадям убавлять ход, так что между десятью и одиннадцатью часами стук их копыт раздался на усыпанной гравием дорожке, ведущей к веранде.

Миссис Шельби выбежала на крыльцо:

– Сэм, это ты?.. А где остальные?

– Мистер Хеллей отдыхает в корчме, – ответил Сэм, – он ужас как устал.

– А Элиза, Сэм?..

– Ну, она по ту сторону Иордана, в земле обетованной, если можно так выразиться.

– Что ты хочешь этим сказать? – прерывающимся от радостного волнения голосом проговорила миссис Шельби, догадываясь об истинном смысле слов Сэма.

– Что и говорить, миссис: бог защищает своих рабов. Лиззи перебралась через реку в штат Огайо, и это было так замечательно, будто сам господь перевез ее на огненной колеснице, запряженной парой коней.

Благочестие Сэма в присутствии хозяйки всегда необычайно возрастало и изливалось в неиссякаемом потоке библейских картин и образов.

– Поднимись сюда, Сэм, – крикнул мистер Шельби, также выходя на веранду, – и расскажи госпоже обо всем, что она так хочет узнать! Да

успокойся же, Эмилия, – продолжал он, обнимая жену, – ты вся дрожишь, словно от озноба. Право, ты все это принимаешь чересчур близко к сердцу.

– Чересчур близко к сердцу! – воскликнула миссис Шельби. – Разве я не женщина, не мать? Разве мы оба не несем ответственности перед своей совестью за эту женщину? Мы глубоко виновны перед нею!..

– В чем наша вина, Эмилия? Ты должна наконец признать, что мы сделали лишь то, к чему нас принуждали обстоятельства.

– Что бы ты ни говорил, мы виноваты. Меня тяготит страшное чувство вины, – тихо прошептала миссис Шельби, – и тут не помогут никакие доводы..

– Эй ты, Энди, негр! Пошевеливайся! – кричал между тем внизу Сэм. – Отведи коней в конюшню! Не слышишь разве, что меня зовет мастер? – И вслед за этим он появился на веранде, держа в руках свою пальмовую шляпу.

– Теперь, Сэм, расскажи нам подробно, как все произошло. Где Элиза? – спросил мистер Шельби.

– Я видел, мастер, своими собственными глазами, как она бежала по движущемуся льду. Даже не поймешь, как она могла добраться до того берега! Это чистое чудо! Потом я видел, как какой-то человек помог ей на той стороне взобраться по откосу. После этого она исчезла в темноте.

– Сэм, это чудо мне кажется просто невероятным, – заметил мистер Шельби. – Перебраться через реку по движущемуся льду совсем не легко!

– Легко?! – воскликнул Сэм. – Без помощи господней этого никто бы не сумел сделать! Вы только послушайте: вот как все это произошло. Мистер Хеллей, я и Энди подъехали к маленькой корчме на берегу реки. Я проскакал немного вперед: я так стремился поймать Лиззи, что мне не терпелось, – и когда я подъехал к окну, оказалось, что она на самом деле там, я сразу узнал ее. Тогда я неожиданно уронил шляпу и так громко вскрикнул, что покойник мог бы очнуться. Лиззи, разумеется, услышала меня и отошла от окна, как раз когда мимо него проезжал мистер Хеллей, затем она через боковую дверь бросилась вниз к берегу. Мистер Хеллей увидел ее, закричал, и мы с Энди ринулись за нею в погоню. Лиззи побежала к реке. У самого берега мчался поток шириной футов в десять, а дальше – лед, глыбы промоздятся одна на другую и, будто острова какие-то, качаются на воде. Мы следовали за ней по пятам, и я, клянусь своей душой, думал, что нет ей спасения! Но вдруг она закричала – такого крика я никогда не слышал!.. И сразу же очутилась по ту сторону потока, на льду. Она бежала, а лед трещал, скрипел и ломался, но она перескакивала с одной льдины на другую, будто олень. И прыгала же она!.. Я глазам своим не мог поверить.

Миссис Шельби, вся бледная, молча слушала рассказ Сэма.

– Какое счастье, что она не погибла, – произнесла она. – Где-то сейчас несчастный ребенок?..

– Господь позаботится о них, – сказал Сэм с видом величайшего благочестия, возводя взор свой к небесам. – Миссис нас учила, что все мы орудия в руках господних и готовы выполнить его волю.. Не будь, скажем, например, меня, ее бы двадцать раз успели изловить. Не отпустил я разве утром лошадей и не гонялся ли за ними до самого обеда? Не заставил я разве сегодня мистера Хеллея проехать добрых пять миль лишних по негодной дороге, а не сделай я этого – мистер Хеллей поймал бы Лиззи, как собака ловит енота. Все это лишь пути провидения!

- В дальнейшем, Сэм, я все же не советую тебе разыгрывать роль провидения, - сказал мистер Шельби. - У себя на плантации я не разрешаю подстраивать такие штуки приезжим господам.

Полученный выговор несколько не смутил Сэма, хоть он и стоял, состроив жалостную гримасу и вертя в руках шляпу.

- А теперь, Сэм, - сказала миссис Шельби, - ты можешь отправиться к тетушке Хлое и сказать ей, чтобы она отрезала тебе ломоть от того окорока, который остался сегодня от обеда. И ты и Энди, наверно, проголодались.

- Миссис чересчур добра к нам, - сказал Сэм и, поспешно поклонившись, отправился на кухню.

Читатель уже успел заметить, что Сэм обладал особым природным даром, и дар этот, если бы Сэм занимался политикой, несомненно, привел бы его к славе: он из любых событий и обстоятельств извлекал для себя выгоду и почет. Проявив достаточное благочестие и человеколюбие в гостиной, он отправился во владения тетушки Хлои в надежде заслужить одобрение кухни.

«Сейчас, - рассуждал про себя Сэм, - я удивлю негров. Вот-то вытаращат они глаза!..»

Ничто в обычное время не доставляло Сэму такого удовольствия, как возможность сопровождать своего хозяина на всевозможные политические собрания. Взобравшись на дерево или на забор, он с жадностью слушал ораторов. Затем, вернувшись домой, он в кругу своих приятелей с невозмутимой торжественностью старался воспроизвести слышанные им речи.

Эти выступления, хотя и подражательные и подчас карикатурные, прославили Сэма как красноречивого оратора, и он никогда не упускал случая закрепить за собой эту славу.

Между ним и тетушкой Хлоей всегда царил некий холодок, причину которого трудно было точно установить, но, так как на этот раз Сэм собирался совершить налет на пищевые запасы, он решил проявить миролюбие и уступчивость. Он знал, что приказание госпожи будет выполнено с точностью, но добрая воля кухарки могла значительно расширить возможности.

Он явился поэтому к тетушке Хлое, всем видом своим выражая трогательное смирение, как человек, тяжело пострадавший при защите своих невинных братьев. Обратившись к прославленной поварихе и заявив, что госпожа направила его прямо к ней, он как бы признал ее неоспоримое владычество над всем кухонным департаментом. Лесть принесла плоды, и никогда еще ни один американский кандидат в депутаты не сумел с такой ловкостью оплести любезностями неопытного избирателя, как Сэм умилостивить тетушку Хлою. Будь он даже самым блудным сыном, вернувшимся в родной дом, его не угощали бы с большей щедростью и материнской заботливостью. Вскоре, преисполненный счастья и гордости, он уже сидел за столом. Перед ним было поставлено металлическое блюдо, на котором громоздились в живописном беспорядке остатки прекрасных кушаний, подававшихся к господскому столу за последние три дня: куриные крылышки, пупки и ножки, ломти розовой ветчины, золотистые лепешки, корочки от паштета и прочие лакомства... Сэм полновластно распоряжался этой снедью, уделяя кое-что Энди, сидевшему по его правую руку.

Из всех хижин сбежали негры послушать рассказ Сэма о совершенных им за этот день подвигах. Это был час торжества для него. Он повествовал о своих похождениях, каждый раз сызнова повторяя свой рассказ и каждый раз

украшая его все новыми подробностями. Непрерывающиеся раскаты смеха сопровождали его повествование. Хохотали все, не исключая малышей, ползавших по полу в поисках крошек. Но Сэм сохранял на своем лице соответствующее его роли выражение торжественной серьезности.

- Вы видите сами, дорогие мои сограждане, - ораторствовал он, потрясая индюшечьей ножкой, - что в данном случае я встал на защиту всех вас. Пытаться помочь в беде одному из вас - совершенно равносильно тому, чтобы помочь всем. Основа та же. Когда в следующий раз торговцы невольниками станут рыскать вокруг, обратитесь ко мне, братья, и я научу их уморазуму. Я буду стоять за ваши права до последнего вздоха!

- А между тем, - вмешался Энди, - сегодня утром, до разговора со мной, ты был расположен поймать Элизу.

- Не говори о том, чего не знаешь, - тоном необычайного превосходства произнес Сэм. - Такие юнцы, как ты, даже при самых добрых намерениях не способны понять глубокие мысли, которые руководят поведением взрослых мужчин.

Энди, по-видимому, устыдился своей дерзости.

- Я и в самом деле, - продолжал Сэм, - подумывал о том, чтобы поймать Элизу, когда я предполагал, что таково требование хозяев. Но, заметив, что у госпожи совсем противоположные желания, я добросовестно переменял намерение. Вот вы и видите, что я честно следую голосу моей совести и всегда придерживаюсь принципов, да, принципов! Зачем им и существовать, этим принципам, как не для того, чтобы поддерживать в нас постоянство? (Возьми эту кость, Энди, на ней еще кое-что осталось.) Постоянство, друзья мои, - продолжал Сэм, - это одна из основных добродетелей. Люди, утверждающие сегодня одно, а завтра противоположное, не имеют никакого права считаться постоянными... (Энди, передай-ка мне тот кусок пирога...) Я прибегну к простому сравнению. Надеюсь, леди и джентльмены, вы извините меня. Мне, скажем, вздумалось взобраться на стог сена. Подставляю лестницу с одной стороны, но она недостаточно высока. Тогда я, не применяя дальнейших усилий в этом месте, переношу свою лестницу на другую сторону. Можно ли меня упрекнуть в недостатке постоянства? Нет, конечно. Ведь чего я хотел? Взобраться наверх. Ясно?

- Твое постоянство никогда не проявлялось в чем-нибудь путном, - сказала тетюшка Хлоя, нахмурившись, так как веселость собравшихся начинала ее тяготить.

- Да, - произнес Сэм, для большей важности поднимаясь на ноги. - Да, сограждане, у меня есть принципы, и я слишком горд, чтобы прятать их в карман. Я готов стоять за них, даже если меня сожгут живьем..

- Так вот во имя твоих принципов иди-ка лучше спать и не держи тут народ до самой зари, - сказала тетюшка Хлоя, давая этим понять, что пора расходиться по домам.

- Негры! - воскликнул Сэм, взмахнув шляпой. - Благословляю вас! Идите спать и не унывайте.

Глава IX,

из которой видно, что и сенатор – только человек

Отблески яркого огня, горевшего в камине, падали на мягкий ковер, устилавший пол уютной гостиной, и отражались в тонком фарфоре чашек и в до блеска начищенном чайнике. Сенатор Берд, стянув ботфорты, собирался заменить их новыми мягкими домашними туфлями, которые жена вышила ему за время его поездки на сессию сената. Миссис Берд, с сияющим от счастья лицом, следила за тем, как накрывают на стол, время от времени покрикивая на расшалившихся ребят.

– Том, оставь дверную ручку! Будь хорошим мальчиком! Мэри! Мэри! Не тяни кошку за хвост! Бедная киска!.. Джим, нельзя взбираться на стол! Нет, нет, дорогой мой муж, ты и представить себе не можешь, какая радость для всех нас, что ты сегодня вечером уже с нами, – произнесла она, наконец с трудом уловив минуту и обращаясь к мужу.

– Я вырвался на самый короткий срок, чтобы хоть ночь провести дома, в покое и уюте. Я страшно устал, и у меня разболелась голова.

Миссис Берд взглянула на пузырек с камфарным спиртом, стоявший в стенном шкафчике, дверцы которого были полуоткрыты, и уже потянулась за ним, но муж остановил ее:

– Нет, нет, Мэри, не нужно лекарств, только чашку хорошего, горячего чая и немножко домашнего тепла и уюта – вот все, что мне надо. Да, законодательство – нелегкая штука.

И сенатор улыбнулся, словно радуясь мысли, что он приносит себя в жертву ради своей родины.

– Ну как же, – спросила миссис Берд, как только семья уселась вокруг чайного стола, – что же обсуждали в сенате?

Обычно кроткая маленькая миссис Берд мало интересовалась происходившим в сенате, считая, что у нее достаточно забот по собственному дому.

– Ничего особенного, – ответил мистер Берд, удивленный этим непривычным вопросом.

– Правда ли, что собираются издать закон, который запрещает оказывать помощь несчастным беглым неграм, запрещает дать им поесть или напиться? Мне рассказывали о таком законе, но я не могу поверить, чтобы это была правда.

– Мэри, Мэри, да ты, кажется, занялась политикой?

– Глупости, я ни капельки не интересуюсь вашей политикой, но издание этого закона, по-моему, было бы жестокостью, недостойной порядочных людей. Надеюсь, дорогой мой, что вы таких решений не принимали?

– Принят закон, запрещающий оказывать поддержку и помощь невольникам, бежавшим из Кентукки, – помедлив, ответил сенатор. – Невоздержанность аболиционистов привела к тому, что плантаторы в Кентукки находятся в величайшем возбуждении. Чтобы хоть сколько-нибудь успокоить их, сочли

нужным издать подобный закон. Это было простым проявлением добрососедских отношений.

– Что же сказано в этом законе? Не может же он запретить нам предоставить этим несчастным существам ночлег, посылнее накормить их, снабдить каким-нибудь старым платьем и затем спокойно отпустить? Или именно это и воспрещается?

– Да, друг мой, именно это и подходит под определение: «оказывать помощь и поддержку».

Миссис Берд была маленькая, хрупкая, застенчивая женщина с добрыми, кроткими голубыми глазами, нежным, как персик, лицом и чарующим голосом. Особой храбростью она никогда не отличалась: рассерженный индюк мог своим кулдыканьем обратить ее в бегство, а солидному дворовому псу достаточно было оскалить зубы, чтобы она смертельно испугалась.

Муж и дети заполняли для нее весь мир, и этим миром она управляла больше с помощью просьб, чем приказаний. Была лишь одна вещь, способная вывести из равновесия эту мягкую и сострадательную женщину: всякое проявление жестокости могло довести ее до вспышек гнева, которые производили особенно сильное впечатление именно потому, что казались совершенно несвойственными ее характеру.

Услышав слова мужа, миссис Берд, быстро поднявшись, подошла к нему.

– А теперь, Джон, – сказала она твердо, – я желала бы знать, считаешь ли ты такой закон справедливым и можно ли совместить его с требованиями нашей совести?

– Ты не прикажешь расстрелять меня, Мэри, если я скажу: да?

– Я не ожидала этого от тебя, Джон! Ты не голосовал за него?

– К сожалению, голосовал, мой прелестный маленький политик.

– Тебе должно быть стыдно, Джон! Эти несчастные люди, лишенные приюта и крова... О, какой позорный закон, бессердечный и безжалостный! Я нарушу его при первом же случае... Мы дошли до очень печального положения, если женщина, не совершая преступления, не может предоставить кров и горячую пищу умирающим с голоду несчастным людям только потому, что они рабы, то есть в течение всей своей жизни подвергались унижениям и мукам. Бедные создания!

– Дорогая моя, послушай меня. Все чувства твои справедливы и человечны, и я люблю тебя за то, что ты их испытываешь. Но, дорогая, нельзя давать волю чувствам без контроля разума. Дело не в наших личных переживаниях: на карту поставлены важные государственные интересы. Население охвачено таким возбуждением, что мы вынуждены жертвовать своими личными симпатиями.

– Нет, Джон! Я ничего не смыслю в вашей политике, но я твердо знаю: мой долг накормить голодного и утешить страждущего. Так вот, я подчиняюсь тому, что повелевает мне моя совесть, а не ваш закон.

– А что, если твой поступок повлечет за собой серьезные общественные бедствия?

– Я знаю, что этого не может быть. Всегда следует поступать так, как подсказывает сердце. В этом я твердо убеждена.

- Удели мне одну минуту внимания, Мэри, и я приведу тебе неопровержимое доказательство...

- Нет, Джон, говори хоть всю ночь напролет, тебе не удастся меня переубедить. И я спрашиваю тебя, Джон: прогнал бы ты из своего дома человека, умирающего от голода и холода, только потому, что этот человек - беглый раб? Сделал бы ты это? Скажи прямо.

Мы вынуждены признать, что наш сенатор был человек отзывчивый и мягкий. Он никогда не бывал способен оттолкнуть человека, находящегося в беде. Жена это прекрасно знала и вела наступление на плохо защищенные позиции. Поэтому ему оставалось только изыскивать любые меры, лишь бы выиграть время. Он откашливался, вытаскивал из кармана платок, протирает стекла очков, а миссис Берд, видя его нерешительность, проявляла все больше энергии.

- Хотела бы я поглядеть, - настойчиво продолжала она, - хотела бы я видеть, как бы ты поступил: мог бы ты прогнать, например, от своих дверей женщину в снежную метель или же выдать ее, чтобы ее засадили в тюрьму?.. Нет, нет, скажи: прогнал бы? Да?

- Это был бы очень тягостный долг, - печальным тоном проговорил мистер Берд.

- Долг, Джон? Не произноси таких слов! Ты сам знаешь, что вовсе не в этом твой долг. Это не может быть долгом! Если владельцы не хотят, чтобы невольники бежали от них, пусть обращаются с ними как следует - вот мое мнение. Если бы у меня были невольники (надеюсь, что у меня их никогда не будет!), я-то уж сумела бы вести себя так, чтобы они не убежали от меня и от тебя, Джон. Повторяю тебе: никто не убежит, если ему хорошо. Когда они решаются на побег, эти несчастные, то, значит, натерпелись холода, голода и страха. И незачем всем и каждому ополчаться против них. И хоть закон, хоть нет - а не подчинюсь ему, боже меня сохрани!..

- Мэри, Мэри, выслушай меня!

- Не стану! Терпеть не могу рассуждений, Джон! Вы - политики, вы кружите, кружите вокруг самых простых вещей, а на практике сами отступаете от своих теорий. Я достаточно хорошо знаю тебя, Джон. Ты и сам не считаешь, что это справедливо...

В этот критический момент в дверь просунулась голова старого слуги, негра Куджо. Он попросил госпожу выйти на кухню. Сенатор с некоторым облегчением вздохнул и, опустившись в кресло, принялся просматривать какие-то бумаги.

Но не прошло и нескольких минут, как за дверью послышался взволнованный голос миссис Берд:

- Джон, Джон, выйди сюда на минутку, прошу тебя!

Мистер Берд, оставив бумаги, вышел на кухню. Пораженный зрелищем, представившимся его глазам, он замер на пороге. На двух составленных вместе стульях лежала молодая изможденная женщина. Платье ее было

порвано, один башмак она, видимо, потеряла, чулок был сорван, нога была порезана и вся в крови. Женщина лежала, закинув назад голову, словно в предсмертной агонии. Она казалась страшно измученной, и все же нельзя было не заметить ее трогательной красоты. Мертвенная неподвижность, застывшие черты, в которых ощущалось дыхание смерти, вселяли ужас в сердца присутствовавших.

Мистер Берд стоял молча и тяжело дышал. Его жена и чернокожая служанка, тетушка Дина, хлопотали вокруг незнакомки, пытаясь привести ее в чувство, в то время как старый Куджо, посадив ребенка к себе на колени, стаскивал с него чулки и сапожки, стараясь согреть его ноги.

- Какой у нее вид! Смотреть невозможно! - страдальчески морщась, бормотала тетушка Дина. - Ее, верно, здесь, в тепле, разморило. Она была еще не так плоха, когда вошла, и попросила разрешения немного погреться. Я только успела спросить ее, откуда она, а она вдруг как грохнется!.. Поглядите на руки, сразу видно, что она никогда не занималась грубой работой.

- Бедняжка, - с волнением проговорила миссис Берд.

Внезапно большие черные глаза молодой женщины раскрылись, и она странным, блуждающим взором огляделась вокруг. Ужас отразился на ее лице.

- Гарри! - вскрикнула она. - Гарри! Они схватили его!..

Услышав ее голос, ребенок соскользнул с колен старого Куджо и, протягивая ручонки к матери, бросился к ней.

- Ах, вот он, вот!.. - воскликнула женщина и, повернувшись к миссис Берд, с отчаянием продолжала: - О миссис, защитите его! Не дайте им схватить его!..

- Нет, нет, бедная вы моя, - сказала миссис Берд, - никто не причинит вам здесь зла. Не бойтесь, здесь вы в безопасности.

- Благодарю, благодарю вас, - прошептала женщина и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Мальш, видя, что она плачет, силился утешить ее своими ласками.

Наконец, благодаря нежной заботливости миссис Берд, она несколько успокоилась. На скамье у очага ей постелили постель, и она вскоре уснула, крепко прижимая к себе ребенка, который казался не менее утомленным, чем она сама.

Несмотря на усилия окружающих, она ни за что не соглашалась расстаться с ним хоть на мгновение и при малейшей попытке взять его из ее рук начинала в смертельном ужасе сопротивляться. Даже во сне она с силой прижимала к себе ребенка, словно желая защитить его от опасности.

Сенатор и его жена вернулись в гостиную, и, как это ни странно, ни он, ни она ни одним намеком не упомянули о предыдущем споре. Миссис Берд занялась вязанием, а сенатор делал вид, что погружен в просмотр бумаг. Но вдруг, отложив их в сторону, он повернулся к жене.

- Я совершенно не представляю себе, кто она такая, - произнес он.

- Когда она проснется и сколько-нибудь оправится, видно будет, - ответила миссис Берд.

- Послушай, дорогая... - снова после некоторого раздумья начал сенатор.
- Я слушаю тебя, мой друг.
- Нельзя ли ей надеть какое-нибудь из твоих платьев... если его удлинить, разумеется? Мне кажется, что она выше тебя ростом.

Еле заметная улыбка скользнула по лицу миссис Берд.

- Посмотрим, - сказала она.

Снова молчание, и снова его нарушил сенатор:

- Послушай, дорогая...

- Да?..

- Ты знаешь, этот домотканый плащ, которым ты укрываешь меня, когда я укладываюсь подремать после обеда... Его тоже можно было бы ей отдать. Ее необходимо одеть.

Но тут вошла Дина и сообщила, что женщина проснулась и хотела бы поговорить с госпожой.

Мистер и миссис Берд направились в кухню, сопровождаемые двумя старшими детьми. Младшие члены семьи уже были уложены в постель.

Элиза сидела на приступке очага, подле самого огня. В ее взгляде было беспредельное отчаяние...

- Вы хотели говорить со мной, - сказала миссис Берд с большой мягкостью. - Надеюсь, вы чувствуете себя теперь лучше, бедняжка?

Глубокий вздох был единственным ответом Элизы, но она подняла на миссис Берд глаза с выражением такой тоски и трогательной мольбы, что отзывчивая женщина почувствовала, как у нее к горлу подступают слезы.

- Здесь вам нечего опасаться, - сказала миссис Берд. - Все мы - ваши друзья. Скажите, откуда вы и чего вы желаете?

- Я пришла из Кентукки...

- Когда? - спросил сенатор, желавший держать нить допроса в своих руках.

- Сегодня ночью.

- Каким путем?

- Я перебралась по льду.

- Перебрались по льду? - невольно повторили все присутствующие.

- Да... Я перебралась по льду потому, что они уже настигали меня... совсем... совсем... и не было другого пути!

- Боже! - воскликнул Куджо. - Ведь лед раскололся на глыбы, и они плывут по реке, крутятся, налезая одна на другую!..

- Да, да... - произнесла Элиза, как безумная устремив взгляд в пространство. - И все же я прошла по льду. Мне казалось, что я не пройду...

я не надеялась, что доберусь до другого берега... Но у меня не было выбора, нужно было перейти или умереть...

- Вы были невольницей? - спросил мистер Берд.

- Да, сэр.

- Хозяин жестоко обращался с вами?

- Нет, сэр, он был добрым хозяином.

- А ваша хозяйка? Она была жестока?

- Нет! О нет, сэр. Моя госпожа всегда была добра ко мне.

- Что же могло заставить вас бросить такой хороший дом и бежать, подвергаясь страшным опасностям?

Элиза поглядела на миссис Берд испытующим взглядом и увидела, что она одета в траур.

- Миссис, - произнесла она вдруг с неожиданной решимостью, - приходилось ли вам когда-нибудь терять ребенка?

Вопрос был неожиданный, он задел незажившую рану: всего месяц назад миссис Берд похоронила ребенка, любимца всей семьи.

Сенатор отвернулся и отошел к окну. Слезы брызнули из глаз миссис Берд, но она постаралась овладеть собой.

- Почему вы задали этот вопрос?.. Да, я недавно потеряла ребенка.

- Тогда вы поймете мое горе, - проговорила Элиза. - Я потеряла двоих детей, одного за другим. Они остались там, в той земле, откуда я пришла. У меня теперь только один этот ребенок... Он для меня все на свете - мое утешение, моя гордость, все мои мысли о нем и днем и ночью. И вот, миссис, они захотели отнять его у меня и продать торговцам с Юга, отправить его туда одного, его, такого крошку, который ни разу в жизни ни на одну минуту не покидал меня; не было ни одной ночи, когда бы он не спал подле меня... Я не могла это перенести, миссис! Я знала, что, если его увезут, я не смогу жить, у меня не будет на это сил... И когда я узнала, что он продан, что бумаги подписаны, я схватила его и убежала среди ночи... Они гнались за мной - тот, который купил моего мальчика, и двое слуг хозяина... Они уже готовы были схватить меня... Я слышала их... чувствовала их приближение... Я прыгнула на лед... Как я прошла? Не знаю... Затем я увидела человека, который помог мне выбраться на берег...

Она не рыдала, не плакала. Она достигла той степени горя, когда иссыкают слезы. Но все окружавшие ее по-своему проявляли горячее сочувствие.

Оба маленьких мальчугана, напрасно порывшись в карманах в поисках носового платка, которого никогда у ребят не оказывается на месте, зарывав, уткнулись в юбку матери, вытирая глаза и носы об ее платье. Миссис Берд закрыла платком лицо, а старая Дина, у которой слезы ручьем текли по ее доброму черному лицу, не переставала повторять:

- Господи, помилуй!.. Господи ты боже мой!..

Старый Куджо изо всех сил тер глаза краем рукава и, строя самые невероятные гримасы, вторил Дине. Сенатор, как государственный человек, не имел права плакать, как все остальные смертные. Поэтому, повернувшись спиной к присутствующим, он подошел к окну, пыхтя и усиленно протирая очки, но сморкался при этом так часто, что мог бы внушить кое-какие подозрения, если б среди присутствующих нашелся хоть кто-нибудь достаточно владеющий собой, чтобы заниматься критическими наблюдениями.

– Как же вы могли сказать, что у вас был добрый хозяин? – сказал он вдруг, резко повернувшись.

– Я сказала это потому, что это правда, – ответила Элиза. – Он был добр к нам. И госпожа моя тоже была добра. Но у них не хватало средств. Они задолжали. Я не умею все это объяснить... И был человек, который держал их в руках и заставлял их исполнять его волю. Я слышала, как хозяин сказал хозяйке, что мой ребенок продан. Хозяйка заступалась за меня. Но он ответил, что не может иначе и что бумаги уже подписаны. И вот тогда я схватила ребенка и убежала. Ведь он – это все, что у меня есть на свете!

– Разве у вас нет мужа?

– Есть. Но он принадлежит другому хозяину. Его господин дурно обращается с ним, не позволяет ему встречаться со мной и каждый день грозит, что продаст его на Юг... Наверно, я уж никогда не увижу его...

Спокойный тон, которым были произнесены эти слова, мог бы заставить поверхностного наблюдателя предположить, что она совершенно равнодушна к разлуке с мужем. Но стоило заглянуть ей в глаза, и сразу становилось понятно, что отчаяние было беспредельно и только потому проявлялось в такой сдержанной форме.

– Куда же вы направляетесь, бедная вы моя? – ласково спросила миссис Берд.

– Я хотела бы пробраться в Канаду... если б только я знала туда дорогу, – сказала Элиза. – А далеко до Канады? – спросила она вдруг, доверчиво и просто глядя на миссис Берд.

– Несчастное дитя! – невольно вырвалось у той.

– Я и сама думаю, что это очень далеко, – с трепетом проговорила Элиза.

– Много дальше, чем вы думаете, милая. Но мы попробуем помочь вам... Дина, прежде всего нужно постелить ей постель в вашей комнате. До завтра я обдумаю, что делать дальше. Но вы, дорогая, – обратилась она к Элизе, – ничего не бойтесь. Мы сделаем все, что будет в наших силах.

Миссис Берд и ее муж вернулись в гостиную. Жена уселась в качалку, стоявшую у камина, и задумалась. Сенатор шагал взад и вперед по комнате.

– Неприятная, ужасно неприятная история! – бормотал он про себя.

Наконец, круто повернувшись, он подошел к жене.

– Необходимо, дорогая, чтобы она сегодня же ночью уехала отсюда! Торговец настигнет ее самое позднее завтра на заре. Если б женщина была одна, она могла бы притаиться, пока он проедет. Но даже целая армия, пешая и

конная, не управится с мальчуганом: он высунет нос в окно или в дверь и выдаст всех, ручаюсь тебе. Подумай, в каком я окажусь положении, если их захватят здесь, у меня!.. Нет, необходимо, чтобы она уехала сегодня же ночью.

- Сегодня ночью? Да разве это возможно? Куда же ей деться?

- Куда? Я знаю куда, - сказал сенатор, натягивая сапоги. - Это необходимо, - повторил он. - Хотя... фу ты, какая неприятная история!.. - И, торопливо натянув второй сапог, он выглянул в окно.

Миссис Берд была благоразумная женщина. Ни разу в жизни не говорила она мужу: «А разве я этого не предсказывала?» - и сейчас, хоть и догадываясь, о чем задумался ее муж, она хранила молчание, не желая нарушить хода его мыслей, и терпеливо ждала, когда ему заблагорассудится объявить свое решение.

- Я, кажется, рассказывал тебе когда-то, - начал наконец мистер Берд, - об одном из моих бывших клиентов, некоем ван Тромпе, приехавшем из Кентукки, где он в свое время освободил всех своих рабов. Он построил себе дом в семи милях отсюда вверх по реке, в самой чаще леса, и найти его не так-то легко. Там она будет более или менее в безопасности. Досадно только, что никому не пробраться туда в темноте, кроме меня.

- Но Куджо ведь прекрасно правит лошадьми!

- Конечно. Но беда в том, что придется дважды переезжать вброд через приток реки. Второй переезд опасен, если не знать его так хорошо, как я. Мне приходилось много раз проезжать там верхом, и я хорошо знаю, где нужно свернуть. Ничего не поделаешь. Пусть Куджо, не производя шума, около полуночи запряжет лошадей, и я отвезу их к ван Тромпу. Затем Куджо доставит меня в ближайшую корчму, где между тремя и четырьмя часами ночи проезжает почтовый дилижанс, направляющийся в Колумбус. Все должно производить такое впечатление, будто я приехал туда в карете только с целью захватить дилижанс. Завтра с утра я уже буду на заседании. Не знаю только, как я буду себя чувствовать после этой ночи. Но иначе поступить я не могу!

- Сердце у тебя лучше, чем голова, по крайней мере в данном случае, - сказала миссис Берд, положив свою маленькую ручку на руку мужа. - Да разве я полюбила бы тебя, если бы не знала тебя лучше, чем ты сам себя знаешь!

Она была так хороша в эту минуту, что сенатор подумал, какой он, должно быть, замечательный человек, если сумел внушить этому очаровательному существу такое горячее восхищение. Что оставалось ему еще делать, как не отправиться посмотреть, запрягают ли лошадей?

Но на пороге он остановился.

- Мэри, - проговорил он нерешительно, - не знаю, как ты отнесешься к этому... но ведь в комодке много вещей... нашего бедного маленького Генри... - Он быстро повернулся на каблуках и запер за собою дверь.

Миссис Берд приоткрыла дверь небольшой комнаты, прилегавшей к ее спальне, поставила свечу на комод, достала из маленькой ниши спрятанный там ключ, задумчиво сунула его в замок и вдруг остановилась. Двое мальчиков, которые вошли в комнату вслед за матерью, не сводили с нее вопросительного взгляда.

О матери, читающие эти строки, скажите, не было ли у вас в доме когда-нибудь ящика или комнатки, которые вы отпирали бы, как отпирают на кладбище склеп? Счастливые, счастливые матери, которые могут ответить: нет!

Миссис Берд медленно выдвинула ящик. Тут были платья и курточки всяких цветов и фасонов. Целые коллекции фартучков и стопки чулок. Были даже и немного поношенные башмачки. Были здесь также игрушки, самые любимые когда-то: лошадка, тележка, мячик, волчок. Драгоценные мелочи, собранные с невыразимой болью и слезами.

Опустившись на пол около ящика, она закрыла руками лицо и заплакала. Затем, внезапно подняв голову, она с нервной решимостью принялась отбирать самые лучшие и крепкие из вещей и связывать их в узел.

– Мама, – проговорил один из мальчиков, – неужели ты отдашь эти вещи?

– Дорогие мои, – проговорила она взволнованным голосом, – если б наш любимый маленький Генри мог видеть нас, он радовался бы, что мы поступаем так. Поверьте, я никогда не согласилась бы отдать эти вещи каким-нибудь счастливицам. Я отдаю их матери, сердце которой было поражено еще тяжелее, чем мое...

Покончив с этим делом, миссис Берд раскрыла платяной шкаф, достала из него еще пригодные платья и, усевшись за свой рабочий стол и вооружившись ножницами, иголкой и наперстком, принялась удлинять платье, как ей это посоветовал муж. Она просидела за работой до тех пор, пока старые стенные часы не пробили двенадцать и до ее слуха не донесся шум подъезжающего экипажа.

– Мэри, – сказал сенатор, входя в комнату и держа в руках плащ, – нужно ее разбудить. Нам пора ехать.

Миссис Берд поспешно уложила отобранные ею вещи в ручной чемодан, закрыла его, попросила мужа отнести вещи в карету и удалилась, чтобы разбудить несчастную странницу.

Вскоре в дверях показалась Элиза. На ней была накидка и дорожная шляпа; она была закутана в теплую шаль. На руках она держала ребенка. Сенатор поспешно проводил ее до кареты. Миссис Берд вышла на крыльцо. Сев в карету, Элиза протянула ей руку, такую же нежную и красивую, как и рука миссис Берд. Взгляд ее больших черных глаз с выражением бесконечной благодарности был устремлен на маленькую голубоглазую женщину. Казалось, она хотела что-то сказать, губы ее раскрылись, но она не в силах была произнести ни слова, опустила на сиденье экипажа и закрыла лицо руками. Карета тронулась...

В последние месяцы шли непрерывные дожди, и жирная почва Огайо превратилась в непролазную грязь. Ехать приходилось по «рельсам».

– По каким «рельсам»? – спросил однажды приезжий с Запада, для которого «рельсы» связывались лишь с представлением о локомотиве и быстром передвижении.

Так узнайте же, наивные приезжие с Запада, что в благословенных восточных районах грязь достигает фантастической, неслыханной глубины и дороги состоят из неотесанных круглых бревен, которые укладываются по топи одно к другому. Их прикрывают сверху землей, дерном – всем, что окажется под рукой. Местные жители называют это «дорогой» и радостно по ней передвигаются. Со временем дождь размывает землю и все насыпанное сверху,

разбрасывает бревна, раскидывает их в живописном беспорядке, оставляя между ними глубокие ямы, наполненные липкой грязью.

По такой-то дороге, трясясь в своем экипаже, продвигался сенатор, погруженный в размышления, время от времени прерываемые неожиданными дорожными приключениями. Карета качалась, погружалась куда-то и подскакивала. Описать эту поездку можно было бы, пользуясь просто звукоподражанием: «Бум! Шлеп! Крах! Шлеп!»

Сенатора, женщину и ребенка швыряет из стороны в сторону, они ежеминутно меняют положение. Куджо на козлах осыпает коней бранью. Колеса увязают, вздрагивают. Затем карета катится дальше. Передние колеса снова проваливаются в грязь. Сенатор, женщина и ребенок падают на переднее сиденье. Шляпа джентльмена без всякого стеснения съезжает на самые глаза ее владельца. Сенатору кажется, что это – конец. Ребенок плачет. Куджо читает своим лошадям очередную проповедь, они брыкаются, поднимаются на дыбы и рвутся вперед под ударами кнута. Выбираясь из ямы, экипаж снова обретает равновесие.

Некоторое время все идет благополучно, если не считать толчков, тряски и возгласов: «Ай!» и «Ну, дружки, ну!» – и хлупания воды под колесами. Внезапно страшный двойной толчок поднимает всех на ноги и тут же с невероятной быстротой отбрасывает их обратно на сиденье. Карета замирает на месте, затем в окошечко заглядывает Куджо.

– Прошу прощения, сэръ, но, кажется, дела плохи. Не знаю, удастся ли нам выбраться. Придется, пожалуй, подкладывать бревна.

Сенатор в полном отчаянии выбирается из кареты. Он старается отыскать место, куда бы можно было ступить. Нога увязает, он пытается вытащить ее, теряет равновесие и во весь рост растягивается в грязи. Стараниями верного Куджо его удается вытащить, но в самом плачевном виде.

Была уже глубокая ночь, когда карета, выбравшись из трясины и переехав вброд речку, остановилась у крыльца большой фермы. Потребовалась немалая настойчивость, чтобы разбудить ее обитателей. Наконец дверь растворилась, и показался сам почтенный владелец. Это был высокий, крепко сложенный человек ростом в шесть футов с лишним. Он был одет в охотничью куртку из красной фланели. Копна белокурых, почти бесцветных волос, походивших на дикий лес, уже несколько дней не бритое лицо придавали этому человеку не слишком привлекательный вид. Несколько мгновений он стоял, держа в руках светильник и глядя на приезжих с видом такой растерянности и недоумения, которые могли показаться даже забавными. Сенатору пришлось потратить немало усилий, пока он ему объяснил, в чем дело.

В то время как мистер Берд изощряется в красноречии, мы постараемся познакомить читателей с этим новым действующим лицом.

Честнейший Джон ван Тромп был некогда богатым фермером и владельцем значительного числа рабов в Кентукки. Но «медвежьей в нем была лишь шкура», ибо природа одарила его добрым сердцем и великодушием. Человеколюбивый и отзывчивый, он долго оставался бессильным свидетелем

того, что происходило кругом, и наблюдал за печальными результатами, которые приносила система – одинаково вредная как для угнетенных, так и для самих угнетателей. В конце концов терпение его иссякло. Он перебрался через Огайо, купил значительный участок земли и, вернувшись, освободил своих рабов – мужчин, женщин и детей, усадил их в повозки и отправил в свои владения по ту сторону реки. Сам же направился ближе к устью реки и поселился в уединенной усадьбе.

– Скажите, – без обиняков спросил сенатор, – решитесь ли вы дать приют несчастной женщине и ребенку, которых преследуют охотники за невольниками?

– Полагаю, что да, – ответил Джон решительно.

– Я тоже так полагал, – сказал сенатор.

– Если они явятся сюда, – произнес Джон, выпрямляясь так, что все мускулы его атлетического тела заиграли, – им придется иметь дело со мной! А затем, у меня семеро сыновей, все шести футов ростом, они тоже будут рады встретить этих господ. Передайте им от нас привет. Пусть сунутся сюда, если захотят... И чем скорее, тем лучше. Нам все равно.

Он расчесал пальцами копну волос, покрывавших его голову, словно соломенная крыша, и разразился веселым смехом.

Еле передвигая ноги, полумертвая от усталости, Элиза с трудом дотащилась до дверей, держа на руках спящего ребенка. Джон поднес к ее лицу светильник, и у него вырвалось какое-то подобие рычания, выразившее жалостливое сочувствие. Он распахнул дверь комнатки, примыкавшей к большой кухне, в которой они находились.

– А теперь, милая моя, – сказал он, – вам больше нечего бояться. Пусть явится кто угодно, мы сумеем их встретить! – добавил он, указывая на карабины, висевшие на стене. – Людям, знающим меня, известно, что плохо придется тому, кто попытается увести из моего дома гостя вопреки моему желанию. А теперь, дитя мое, спите спокойно, как если б ваш сон охраняла родная мать.

Он вышел из комнаты и запер за собою дверь.

– Она очень хороша, – сказал он, обращаясь к сенатору. – Но, увы, нередко именно красота и заставляет их бежать, если они честные женщины. Поверьте, я знаю, как обстоит дело.

Сенатор коротко, в нескольких словах, рассказал историю Элизы.

– Что вы говорите! Возможно ли? Я готов богохульствовать, слыша о подобных вещах! – воскликнул честный Джон, вытирая мозолистой ладонью глаза. – Должен вам признаться, сэр, – продолжал он, обращаясь к сенатору, – я годами не посещаю церковь, потому что священники с амвона проповедуют, будто Библия допускает рабство.

Джон откупорил бутылку пенистого яблочного вина и налил сенатору стакан.

– Вам следовало бы остаться здесь до утра, – предложил он радушно, обращаясь к своему гостю. – Я позову свою старуху, она в одну минуту постелет вам постель.

– Благодарю вас тысячу раз, дорогой друг, но я должен сейчас же ехать, чтобы успеть к дилижансу, который идет в Колумбус.

- Если так, я провожу вас и покажу другую дорогу. Она лучше той, по которой вы приехали.

Джон оделся и с фонарем в руке провел своего гостя по дороге, которая огибала его дом. Уезжая, сенатор вложил ему в руку десятидолларовую бумажку.

- Для нее, - произнес он коротко.

- Хорошо, - так же коротко ответил Джон.

Обменявшись рукопожатиями, они расстались.

Глава X

Отправка товара

Серое, невеселое утро заглядывало в окно хижины дяди Тома. Лица у всех обитателей хижины были печальные. Маленький столик, покрытый белой гладильной простыней, был пододвинут к самому очагу. На спинке стула висела грубая холщовая сорочка, на столике перед тетушкой Хлоей была разложена вторая. С бесконечным вниманием и заботливостью расправляла и разглаживала она каждую складку, время от времени отрываясь от своего дела и утирая рукой слезы, стекавшие по ее щекам.

Том, подперев голову рукой, сидел подле нее. На коленях у него лежала раскрытая Библия. Ни один из них не произносил ни слова. Было очень рано, и дети еще спали в своей грубо сколоченной кровати.

Поднявшись, Том подошел к постели ребят, чтобы взглянуть на них.

- В последний раз... - проговорил он.

Хлоя не ответила, но утюг скользнул назад и вперед по грубой рубахе, хоть она и была уже такой гладкой, какой только могли сделать ее женские руки. Вдруг, с жестом отчаяния, она опустилась на стул и громко зарыдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/garriet-bicher-stou/hizhina-dyadi-toma/?lfrom=362673004>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1

Цинциннати – город в штате Огайо, откуда невольник легче всего мог бежать в Канаду.

2

Квартеронец – человек, у которого одна четверть крови негритянская (от лат. «кварта» – четверть).

3

Мастер – хозяин раба.

4

Мулаты – потомство от браков европейцев с неграми.

5

Канада в то время была английской колонией в Северной Америке, где не существовало рабства. Невольник, попав в Канаду, переставал быть рабом.

6

Генерал Вашингтон, Джордж (1732 – 1799) – главнокомандующий войск США в борьбе с Англией за независимость, затем – первый президент Соединенных Штатов.

7

Старая Виргиния – юго-восточный штат, одно из первых мест поселений англичан на Американском материке. Потомственная аристократия Старой Виргинии считалась самой знатной.

8

Аболиционистами в Северной Америке называли сторонников движения за освобождение рабов.

9

Ричард Львиное Сердце – английский король в 1189 – 1199 гг. За храбрость, проявленную им в битвах, получил прозвище Львиное Сердце.

10

Миля – английская путевая мера длины, равная 1609 метрам.